

Забутые адреса Лолиты

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ирина Турович

Ирина Турович

Забывшие адреса Лолиты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68771946

SelfPub; 2023

Аннотация

Здесь всё правда – в том смысле, что персонажи имели прототипов и события имели место быть. Здесь всё вымысел. Любой перевод формулы время+пространство на язык слов – вымысел. Потому что река времени изменилась. Мы изменились. Мы прошли долгий путь к самим себе, чтобы перестать существовать. Мы растворились, чтобы стать частью пространства вымысла. Нас нет. Осталась написанная история.

Ирина Турович

Забывтые адреса Лолиты

Я. Старый друг. Нувель. Натали. Алексис. Дени. Лапушка.

Бывший. Вера. Шрек. Катрина. Тати. Вацлав. И другие.

– Ты идеальна, – сказала Нувель, когда мы пришли на пляж и я разделась. – Идеальное тело. Никто не скажет, что уже за сорок.

– Девяносто-шестьдесят-девяносто, а толку? Зато ты счастлива в браке, а я сбежала от своего старичка.

– О как. Зачем ты вообще с ним связалась?

– А как могла пропустить? Привлекательный самец вымирающей породы.

– Так уж и самец, не поверю.

– Все работает, клянусь. Лучшие, чем у молодых. Пока я здесь, старая сволочь наверняка с кем-то изменяет. Но мне все равно. Не знаю, почему все равно. Мы поругались, я ушла. Очень может быть, не вернусь.

– Ты его женищина мечты! Вернешься. И вообще женищина мечты всегда найдет, с кем изменить – писателю с музыкантом, а музыканту с писателем.

– Устала я от этой казуистики... пойду искупаюсь.

– Штормит. Вся линия прилива в водорослях. Охота такую красоту этой грязью портить?

– Меня всегда тянет в грязь. Ты знаешь.

Вода в самом деле оказалась грязная и прохладная. Шла волна, и поддувало. Прибой на мелководье был неожиданно сильный, и пока я корячилась, пытаюсь боком войти дальше, волна дала мне под зад и едва не опрокинула. Бурые водоросли, песок, морская мезга. Противно, но мы не отступим. Окунулась, попыталась поплавать, ах, черт, везде мелко, и уже песок набился в купальник. Сейчас все волосы будут в морском дерьме. Я когда плаваю, стараюсь голову не мочить, но сейчас не получится.

Выбралась, побежала к душу. Хоть работает, не Ницца и не Барселона, где тебе ни раздевалки, и половина душой сломаны. Какой-то школьник уставился на мои сиськи. Бляха, полпляжа топless со своими блинами. А вся шпана так и пялится на мой лифчик. И переодеться негде.

Десять дней я еду по испанскому побережью, валяюсь на сером песке, горюшко выплакиваю. Хожу по всяким горным тропам здоровья. Посещаю пещеры и развалины крепостей. Дышу апельсиновыми садами. Ем вкусное мясо, бри, гуакамоле, корнишоны, запиваю вином. Как прилетела, была бледная немочь на грани депрессии, а уже все подтянулось. Фиг с ним, ненаглядным. Я больше не думаю о нем.

Спрашиваешь, почему я связалась с писателем? Ни кола, ни двора, скандалист и неврастеник. Потому что книга тот же секс. Книга плохому не научит.

Классик литературы вечно живет по той причине, что еще долго после смерти продолжает трахать мозги читателю. А

вообще литература – это не описание утренней эрекции. Писать надо с ясным умом. С эрекцией ходить невозможно, не то что думать. Я ему и нужна на 90% для утреннего просветления.

Литература, буся, это садистская профессия. Не мужская и не женская. Наиболее бесполым наблюдателем автор становится, когда рассказывает эротическую историю. А наибольшая интимность бывает, когда история адресована лично. Но на такую я бы сама наложила запрет: много стыда в том, чтобы посторонним запросто выболтать чужие тайны. Пусть хоть десятки тысяч этих посторонних читателей, а стыдно от того, что прочтет адресат. Интимные письма надо надежно прятать. Надежнее всего от тех, кому они предназначены.

Он не прятал. Он знал, что я кончаю от одних этих писем, и держал меня крепче всего словами. Как на цепи. И глазами. Так умеют смотреть только мужчины. Я таяла от его взгляда. Я знаю, почему хищники повинуются дрессировщику, унижая свое достоинство на арене цирка.

И хотя бы на 10% ему было не все равно, что я думаю.

Несколько лет назад на меня за городом напала большая собака. Была середина осени, мелкий дождь, я присела на скамейку в ожидании электрички. Людей на платформе не было никого, человек пять стояли под навесом у касс. Из лесополосы трусцой выбежал светло-палевый пес и уверенно направился ко мне. Я надеялась, что пробежит мимо, но не

тут-то было. Пес – а вблизи было видно, что весит он больше меня – стал тереться о мои ноги, странно приплясывать, куснул лодыжку сквозь джинсы, полоснул клыками по кисти руки, оставив царапины, и искоса заглянул в глаза. Он примеривался, как вцепиться мне в горло, это я поняла своим животным инстинктом, и продолжал притворно ласкаться. Я вскочила, чтобы уйти под навес на станции, пес преградил дорогу. Я схватила его за загривок, гладкая шерсть выскальзывала из-под пальцев, и попыталась оттолкнуть. Он чуть поддался, но не дал уйти. Пропустил вперед, позволил сделать три шага, и начал на каждый шаг пролезать у меня между ног, как в странном собачьем шоу по телеку, не переставая оборачиваться, скалиться и издевательски поглядывать в глаза. «Да ты сама сука, только двуногая сука, и ты раздвигаешь, когда мне нужно, убить тебя сразу или хочешь чего-то другого?» Я позвала на помощь, голос меня не слушался, мужчина, стоявший под навесом, выбежал и прогнал пса. Тот прижал уши, отскочил, и весело побежал обратно в лес.

Меня била дрожь от ужаса, как будто проснулась после кошмара. Но это был не сон. Это был реальный оборотень. Меня испугал, собственно, не сам зверь, а ощущение, что он может управлять моим сознанием.

– *Фантазерка!*

– *Если бы. Ездил потом уколы делать от бешенства. В нашей поликлинике эту вакцину не колют, направили в Се-*

ребрянку.

– Махнула бы рукой на эти укулы. Кого собаки не кусали без причины?

– Я несколько лет назад писала сценарий для медицинской программы про бешенство. Если собака бродячая, и ведет себя странно, ласкается и танцует, лучше подстраховаться. Вирус может сработать через несколько месяцев.

– Я бы не нагнетала. И потом, знаешь, как в песне поет-ся: мы все живем для того, чтобы завтра сдохнуть.

– До сих пор не по себе, когда вспомню.

Мы с Нувель сидели на террасе пляжного кафе. Кальма-ры, персиковый сок. Лучше бы грейпфрута... Нувель забыла, как называются. Потом, постфактум, выяснила – помело. В этом краю цитрусовый оазис.

Сумбурный день моего переезда заканчивался.

– Сама не люблю собак, – сказала Нувель. – Больших еще можно вытерпеть. А мелких моя бабка называла «насеко-мые». Присмотришься, точно, насекомые.

– Был у меня давным-давно знакомый, собирался назвать свою группу «Знакомые насекомые».

– Возвращайся лучше к своему зверю. А то придумаешь, оборотень! Я всю жизнь среди оборотней проработала.

– Ты юрист. У вас только так.

– Вполне гуманитарная профессия. Тебя и твой мерзкий писатель кусает?

– За все места. Он парализует мою волю абсолютно. Если

я не отдам ему все без остатка, он меня уничтожит.

– Сама выбрала. Это ведь женщина ищет определенного мужчину. А мужчина просто ищет ситуацию, где его найдет женщина.

– Не искала. Меня тупо за ручку взяли и привели.

– Значит судьба. Умной женщине как минимум нужен мужчина не глупее ее самой. Привлекательным для нее будет более успешный. Партнером, если речь о нашем бизнесе, более богатый. Любимым... да лучшие уж никто. Зачем лишний раз мучиться?

– Верно, никто. Франция на мне не отдохнула. Там мне легко было бы жить. Проехала я эту Францию с востока на запад, с севера на юг, а потом с запада на восток. Язык так и не выучила, разленилась, но и без языка все понятно. А по Парижу скучаю. У меня на всей Земле только два любимых города – Питер и Париж.

– Господи, да не ври: у тебя в любом порту, как у моряка, остается милый мальчик с кофе в постель.

В парижском метро – было время, мне приходилось много ездить, хотя город небольшой, проще пройти – попадаются очень разные типы. Раз в вагон зашли трое молодых англичанок, они громко разговаривали и смеялись, и все французы разом замолчали. Удивительно. Этот народ больше всего на свете любит поговорить. Я почему-то подумала о столетней войне. Оба языка за это время перемешались, обе нации забыли, за что воюют, а разница осталась. Вагон молчал

не враждебно, нет. Просто британки психологически его подавили. Хотя, по-моему, современных французских мужчин подавить может кто угодно.

Другой раз в набитом битком вагоне рядом со мной стояла маленькая японка. Верхние поручни и для меня высоковаты, а она как-то умудрялась держаться, если не висеть с поистине самурайским стоицизмом. Японцев в Париже немного. Молодых китайнок тьма. Они всюду, как завитки мышинного горошка, и с одинаковым ярким макияжем. Можно подумать, что это одна и та же девушка, и эта девушка везде.

Как-то на ветке из Венсенна в противоположном ряду сложилась любопытная картинка: рядом сидели аристократичная старушка, простая рабочая тетка (мысленно я назвала ее «прачка»), бойкая молодая девка («гризетка») и длинноволосый гопник, которого с первого взгляда я приняла за девушку. Но когда он достал из пакета багет и стал жевать, поняла, что парень. И я подумала, что будь я художником, взяла бы в натурщицы прачку и гопника. Но не аристократку и не гризетку.

Иногда ошибаешься в различении полов, впрочем, юноши и девушки от 16 до 22 везде больше похожи друг на друга, чем люди средних лет, и даже чем дети. Они произвольно бисексуальны. Хотя я против навязывания культа однополых связей, они и без рекламы найдут и то, и другое. Однажды в метро я видела божественно красивого молодого парня. Тонкие черты лица, большие серо-голубые глаза,

светло-русые волосы почти до пояса, рост метро восемьдесят, длинные изящные кисти рук. Он казался сошедшим с небес ангелом. Редкой райской птицей, залетевшей в тесную квартирку, хотя квартиркой в данном случае был весь этот город. И все-таки в его внешности было нечто определенно мужественное. Одет он был в нечто вроде старой шинели, стоптанные ботинки, потертая сумка на ремне. Думаю, он был беден. Меня поразила его красота. Она была как чудо, от которого замирает сердце и перехватывает дыхание. Он вышел на вокзале Сен-Лазар, и мне не хватило смелости последовать за ним.

– И ты напрочь забыла о милом мальчике из бара?

– Эротика там не было никакой.

– Просто асексуальный секс. Как у всех с мужем. У тебя все наоборот: мужья одноразовые, любовник постоянный. И ты, как нормальная женщина, практична с мужем, но непрактична с любовником. Рассказывай, что предосудительного ты уже делала в Испании?

– Ничего: я все сделала раньше.

Я прилетела ночью в Барселону, естественно, дешевые рейсы с самым неудобным временем, и до утра проторчала в аэропорту. Початилась в ночи с Анхелем-Ангелом, у которого сняла комнату, и хотя мы чудно договорились, через два дня я не могла попасть в квартиру. Вай-фай выдавал его с головой, а он парил мне мозги, что находится за 40 км отсюда, приносит извинения и просит подождать. Похоже, он

еще и наблюдал за мной через камеру в фойе. Чтобы войти в дом и выяснить, в чем дело, я напрягла местных девочек, которые немного говорили по-английски, через автоматического переводчика я запросто могла общаться и по-русски, но родной русский в критической ситуации напрочь отшибло. Анхель по-английски не говорил вообще. Или делал вид – как бы его взяли в Google? В общем, ботан Анхель тот еще извращенец, я не уверена, что в моей комнате не было скрытой камеры наблюдения. Распрощались вежливо впрочем.

Да и черт с ней, с камерой, если бы была. Я же не сидела взаперти: уходила с утра, возвращалась к ночи, падала на койку и отрубалась. В Кастильоне я много плавала и ходила пешком. Однажды прошла по всей курортной полосе от Беникассима. Я шла босиком по деревянным мосткам, эти мостки они протянули на все 10 километров по берегу. Я шла мимо вилл и отелей, огороженных площадок, песчаных и галечных пляжей, полупустых и плотно засиженных купальщиками, мимо пристаней, волнорезов и катеров, иногда останавливалась поплавать. Был небольшой шторм. Спасатели дежурили не везде.

Я дошла до своего любимого пляжа, бросила шмотки, поплескалась в море и рухнула на песок. Это был самый пустынный из пляжей Кастильона. Поблизости ни вилл, ни отелей, и спасатели сидели с другой стороны. На ближнем городском пляже даже при слабой волне они не давали войти в воду. Большая часть прибрежных дюн огорожена, там за-

поведник, где гнездится редкий вид куличков. Крошечные кулички шныряли повсюду.

И вот я лежу одна, усталая после долгого променада, кулички мельтешат, из головы выдуло все мысли, и думаю, черт, такая она и есть, нирвана. Все умерли, все, кто сейчас есть на свете, все друзья, родители, дети, старый козел, я тоже умерла, море осталось. И через сто лет здесь все будет то же самое – кулички, песок, море и шторм. Безмозглые кулички обречены на вечность, а мы нет. Они не индивидуализированы, а мы все разные.

Как-то в самые жаркие полуденные часы я ушла с пляжа в парк местного гольф-клуба, чтобы посидеть в тени и в тишине. Там меня атаковали белки. В другой день дошла с пляжа до развалин старой крепости, поднялась на гору, посмотрела панораму городка и тут меня ждало неприятное открытие. Кратчайший путь был по магистрали, а маршрутного автобуса нигде поблизости не было. Пришлось пешком несколько километров окольными дорогами через апельсиновые сады. Изредка попадались велосипедисты. Неприятно было проходить кольцевую развязку, там машины проезжали, но я держалась по краю. Единственная гроза над Кастильоном застала меня в художественном музее. Музей хороший, посетителей нет.

В гостевом доме я мало пересекалась с другими постояльцами. Поболтали с аппетитной мексиканочкой, поулыбались с дружелюбным китайским парнишкой. Он английским не

владел, как и большинство здесь. Шум и ярость в быт маленькой коммуны привнес приезд жителя Чикаго с двумя лолитками, дочерью и ее подругой. Дочь не очень-то была похожа. Колоритный типчик явно имел японские корни; намылился было флиртовать, но я была жутко голодная и жрала как свинья (ему это понравилось). Он был разведен, ехали мы с ним по одному маршруту, только в противоположных направлениях: я прилетела в Барселону и улетала из Мадрида, он с девушками из Барселоны собирался улетать.

– Обязательно съезди в Толедо! Старый город, охрененно крутые узкие улочки, на машине можно наебнуться в два счета. Погонял я там, бля, от души...

В тридцатиградусную жару потомок самураев и бледнолицых и две девушки выкушали литр водки, пошли гулять, видимо, еще добавили, и в два часа ночи дочь скандалила на весь дом, сотрясая воздух отборным американским матом:

– На хуя, папочка, ты приволок нас в эту дыру, дыру задрищево, где нет даже гребаного кондиционера, у этих уебков кондеи вообще только в гиперках-трипперах. Как они живут в такой срани, пожрать негде, я что, вообще припизженная, чтобы переться здесь в гребаный Макдональдс?! И т.д.

Напрасно говорят, что англоязычный мат уступает русскому. Лексических единиц меньше, но они более многозначные. Количественная плотность в состоянии скандала одинаковая. Утром американцы уехали. Жаль, пообщаться было больше не с кем. Папочка симпатичный, можно было не

только пообщаться.

В Толедо я потом съездила. Посмотрела Эль Греко. Восхитилась синагогами сефардов. Протерла своей красивой задницей скамейку на площади Сокодовер. Запечатлела изваянного из металлических кусочков Дон-Кихота. Он такой же, как старый козел. Удивительное сходство. Пусть полюбуется.

Как видишь, Нувель, в Кастильоне я вела себя, как приличная девочка.

– Да, – говорит Нувель. – Эпоха невинности на нашей гостеприимной земле у тебя затянулась.

Я поздно возвращаюсь в комнатку, которую субарендную у Федерико и Ромины. Загружаю кино и засыпаю над планшетом. Утром мы договорились встретиться у кафе «Каса Сарагоса», и я иду знакомиться с компанией, с которой уехала Натали.

Шторм утих. По берегу, у кромки воды, неторопливо ездит самосвал. Бригада уборщиков наметала после шторма целый стог бурых водорослей.

Подхожу, знакомимся. Пятеро дамочек бальзаковского возраста. Две Ирины, Саша, Алина. Не без удовлетворения отмечаю, что Натали кажется самой юной. Значит и у меня не все раки на горе отсвистали. Саша претендует на роль лидера группы, остальные делают вид, что согласны. Это женщины. Женщинам все равно, где притворяться, в постели, в группе половой независимости или на марше фе-

министок.

– Привет! Как отдыхаем?

– Впервые вижу самосвал на пляже, – отвечает Саша.

– Наверное, утрамбовывают, чтобы не образовались полосы зыбучих песков, – проявляю дружелюбие.

– Пиздец какая рационализация.

– Море грязное. В Барселоне вода была чище, но холоднее.

И ни одной раздевалки на пляже.

– Да нам нормально. От пляжа до хаты пять минут идти.

– Я снимаю комнату в районе порта. Сюда на автобусе. Зато у меня рядом комплекс центра искусств королевы Софии. Вечером хожу гулять.

– А у нас вокруг сплошные местные ебенья. Лучшие не ходить... Что-то мне жарковато. Девки, кто купаться?

Остаемся мы с Натали. Я говорю:

– По-моему, я Саше не нравлюсь. Бездельница с ветром в голове. А Саша, насколько понимаю, женщина деловая.

– Имеет гарантированную штуку на фирме. Штука не в рублях.

– От штуки сейчас я бы сама не отказалась.

– У тебя зарплата больше была. Стоило увольняться? Боролись бы себе дальше с режимом, если хорошо платят.

– Борьба была временно забыта, когда начальник в разгар рабочего дня привел в офис свою бабу и шумно трахал за тонкой стенкой. Леличек, наш подающий надежды журна-

лист, охерел от испуга и свалил домой. Мы с Владей, как люди взрослые, сделали вид, что ничего не происходит. Другой раз прихожу утром, в прихожей трусы валяются. Картонная коробка от компа и на ней трусы не первой свежести. Рядом гостиница, а номер снять жаба душит. Далеко не столь раскрепощенные поляки схватились за голову и убрали нашего Мыколу в запас. Я несколько месяцев была типа антикризисный управляющий. А потом вместо раздолбая Мыколы поставили полного придурка Ярека. С Яреком работать было нельзя вообще. Никак. Ни за штуку, ни за полторы.

– Интересная у вас работа, не то что мои отставники с танками и гранатомами... Саша ищет парня. Да хоть не постоянного, а разок потрахаться в отпуске. А тут под конец сезона всех мужиков разобрали. И такое гадство: сначала пришла твоя подруга – молодая, эффектная и замужем за испанцем. Сегодня Саше хватило одного твоего вида.

– Нувель старше нас на несколько лет, между прочим. Пока не уехала к Хуану, работала замдиректора завода.

– Я была уверена, что моложе. Классно выглядит.

– Не спорю. А что я? Трущобы плачут горькими слезами. Самое драное барахло взяла, чтобы здесь выкинуть. И полотенчико здесь оставлю.

– Под барахлом сплошной секс. На сашкины титьки посмотри: колокола с бубенцами. Нашу компанию мужики обходят в радиусе тридцати метров.

– Надела бы бюстгальтер. В купальнике делают для чего-то и вторую часть.

– Она надевает, когда в море заходит. Вдруг, говорит, медуза ужалит. Нет никаких медуз. Шторм есть, а медуз нет.

– Знаешь, а это и хорошо, что обходят. Ничего не сопрут.

– Ха-ха. Вообще да, хорошо. Хочешь просто поваляться с книжкой, а они так и начинают гулять чуть ли не по тебе, как коты, старые, молодые... будто медом намазано.

– Прошлогодний греческий дедок к тебе был особенно неравнодушен. А мне нагадал на кофейной гуще большую любовь. Теперь я гадаю, то ли сбывлось, то ли как всегда.

– Классный мужик. Я уверена. Но это игра. В этой игре каждую неделю новая любимая жена.

– Я тоже уверена, что мужик. За семьдесят, а пахнет как мужик, а не как старпер. Обнимает крепко. Зато в обществе Саши ты под надежной защитой от домогательств.

– Определенно. О, наши возвращаются. Быстро они. Мы плавать! А потом по берегу погуляем. Надоело мне тут сидеть.

В обед женская компания накормила меня жареной рыбой, манго и арбузом. Я же известная халявица. Все в этой группе, кроме Натали, были разведенки.

Есть свои плюсы в женщинах бальзаковского возраста: попиздон попиздоном, а обед по расписанию.

Я не впервые в Испании. Несколько лет назад была с тури-

стической группой, и снова зареклась связываться с организованным автобусным туризмом. Обычно я сама по себе, но бывает, раз в десять лет выцепишь глазом по дешевке соблазнительный маршрут, и вперед. Дешевый маршрут по факту прирастает расходами мама не горюй, Впрочем, есть свои плюсы. Славный пикник закатали, например, в полночь на набережной Сены. Прямо на парапете. Бри. Оливки. Ветчина. Обожаю французский окорок. Розовое полусухое и бургундское. Вода плещется у ног. Монетки кидали. Один Шрек сам по себе бухал наверху, только здоровенные крысы рядом бегали.

Когда наши бабы, профессионалки торгового бизнеса, пытались выцыганить пару-тройку евро за сувенирные эйфелевы башенки у черной мафии, а черные скалили зубы, тянули время и вихлялись, потому что бабы в соку, и за версту несет недоебом с обеих сторон, но наши бабы все сигналы к совокуплению высоконравственно игнорировали, денежная сторона сделки их занимала больше, вот да, это был спектакль. У меня живот заболел от смеха.

В Монте-Карло... да не поперлась бы я сама в Монте-Карло, что я там снова забыла? У дворца Гримальди на лавке посидеть? Вид с горы красивый. Посмотрела виды с одной и с другой стороны. В казино бы меня не пустили в пляжном балахоне. Там такая резервация, где по этикету полагается рассекать средь бела дня в смокингах и вечерних платьях. А я по-простому, с моря, с нечесаными волосьями, без

косметики и без лифчика, не в мокром же ехать. Вечером тронулись в путь, и застряли в пробках, естественно, потому что братский французский народ массово возвращался с побережья. Ограничитель скорости на трассе 120, а мы стоим. Проедем 20 метров и снова стоим... Уснула, не дождалась, когда выберемся. Проснулась, когда остановились на заправке. Выхожу, осовело осматриваюсь, иду в туалет. Взяла с полки в супермаркете минералки и молочный коктейль, а цены, гляжу, непонятные. Да еще навалено тряпичных оленьих и кожаных шортов. Ничего себе отдохнула, думаю, такие глюки пошли. И только окончательно проснувшись, сообразила, что мы уже в Австрии. Вот и путешествуй после этого с туристической группой.

Ах да, Шрек и Вера. Вере шестьдесят. Она из числа тех женщин, которые в меня быстро влюбляются и дня через три стремительно начинают ненавидеть. Во-первых, потому что я не гожусь на роль компаньонки. Во-вторых, потому что не могу заменить мужика. Фирма посадила нас на соседние места в автобусе. Поездка началась с пропажи Вериного паспорта: турфирма проставила визу и забыла документ в офисе. Когда нестыковочка выяснилась, автобус на полном ходу чесал к границе. Остановились на паркинге и ждали, пока паспорт доставят.

Вера даже обиделась на фирму, когда нас хотели поселить в разных номерах и поменятьась, чтобы жить в одном. Жаль, меня этот порыв не насторожил сразу. Роль компаньонки я

провалила сразу. На очередное предложение «Хочешь посмотреть фотографию моего внука? Дочка только что прислала» я резко ответила «Не хочу». То есть просто честно ответила, но Вера восприняла отказ как хамство и надулась. «Ты не женщина, ты не понимаешь».

И началась моя вторая роль в верином спектакле, роль морально затраханного супруга. «Ты храпишь». («Выпейте снотворное вместо того, чтобы полночи висеть в чате со своими подругами» «Чем тебе не нравятся мои подруги?» «Подруги как подруги. Почему они должны мне нравиться?»). «Мне мужчина каждое утро дарил букет ромашек. У тебя такого никогда не было». («И на столько его хватило?» «На четыре года»). «После тебя столько волос в раковине. Сильно выпадают». («Длинные, просто ломаются»). «Возьми нам еще бутылку вина. Мне неудобно у официантов просить». («Вам хочется выпить, вы и просите» и т.д.)

Мне не впервые попадают женщины с трепетным отношением к раковине. Как будто это их персональный кошачий лоток. Через неделю сосуществования в одной комнате у меня было полное впечатление, что я не только в раковину бреюсь, но еще туда и ссу, причем стоя и на глазах у Веры. Несмотря на все подсознательные усилия Веры, виртуальный хуй не вставал. Зато восстал дикий внутренний мужик.

Инициативу познакомиться со Шреком проявила Вера («Вон какой интересный мужчина, один, скучает»). У него

было настоящее имя, которое я не помню, но он реально был похож на Шрека. И не скучал. Тем не менее, познакомились и немного потусили.

Вечером в день заезда я, Вера и Шрек пошли гулять по Лоретту. Дошли до конца набережной, решили подняться к памятнику Донье Маринере, верной морячке. Лесенка шла зигзагами, образуя несколько укромных ниш, прикрытых с другой стороны деревьями. В одной из ниш три молодые девушки занимались гипертрофированным сексом с бутылкой колы. Одной уже было хорошо. Не знаю, из какой страны девушки приехали, стонут везде одинаково.

– Ужас, – сказала Вера. – А мы еще до памятника не дошли.

На площадке Маринеры не было ничего предосудительно-го. Несколько подгулявших туристов смотрели на море и на звезды. Мы тоже постояли и посмотрели. Спустились другой дорогой. Шрек купил в лавке бутылку вина, мы ее выпили на пляже, и он полез купаться. Представьте бегемота, который плещется на мелководье с блаженным выражением лица.

– Хорошо!

– Эй, вы не боитесь, пьяный и ночью в море? Шаг назад – и там сразу глубоко.

– Днем я на солнце обгораю.

Поэтому днем Шрек просто пил и лежал ничком на пляже. Одетый. Иногда он вообще не приходил. Номер Шрека был покруче, в главном корпусе. Наш был больше похож на

студенческую общагу, где «кондиционер» состоял из мотора, воздуховода и десятилитровой бутылки воды. Эта штука ре-вела, в бутылки поднимались волны, но, как ни странно, воз-дух охлаждала. На крыше были теннисные столики, неболь-шой бассейн и джакузи, где Шрек обычно зависал. Меня крыша больше чем на час не увлекла. Я люблю простор. Да и в джакузи лучше сидеть с кем-то, а не в одиночку. Это уж, извините, французские привычки.

– Шрек, вы на море почти не ходите. Зачем тогда ехать в такую даль, да еще так неудобно, автобусом?

– Мне все равно куда ехать. Я два раза в год, в мае и в сентябре, когда мертвые сезоны в торговле, прихожу на тур-фирму и говорю: дайте путевку. По фиг, сколько стоит. Беру и еду, куда дадут.

Это был дешевый тур, и жил он в трехзвездочном отеле. Что сколько стоит, никому не по фиг. Подругу жизни он с собой не взял. Мы-то, интеллигенты-голодранцы, кого толь-ко с собой не тянем.

– Вот и дали вам тур на море, а вы даже не плаваете.

– Подумаешь, не плаваю. Бывает, с верхней полки в мага-зине опрокинешь ящик, болты, шурупы, саморезы ебаные на голову сыплются, взял бы весь магазин и расхуячил к чертям. А вспомнишь море, вечер какой, небо Испании – и можно жить дальше.

Чем дальше в Лоретте, тем больше портились мои отно-шения с Верой и Шреком. Есть люди, которых я раздражаю

только потому, что никогда не буду с ними спать. Мотивация Веры, не исключено, была схожего толка, хотя лейтмотивом ее грез оставался гипотетический «мужчина».

– Ты очень много ешь и не поправляешься. С генами повезло – такая фигура!

– Вы для своего возраста тоже неплохо сохранились.

– Ты сначала доживи до моего возраста, и посмотрим, что из тебя получится.

– Начну работать моделью (мрачно шучу, но Вера принимает всерьез).

– Ха! Растолстеешь, все обвиснет, я живой пример. Я тоже в молодости стройная была.

– Я лучше буду брать пример с Джейн Фонды.

– А мы вчера так здорово погуляли по городу, был праздник, народные танцы... хотела тебя позвать, но не нашла. Ты спала, наверное.

– Да и я вчера неплохо отдохнула.

Накануне мы с другими великовозрастными девушками, укрывшись в зале за колоннами, приняли кувшин сангрии и смотрели шоу. Потом началась дискотека. Девушки немного попрыгали и ушли. Меня еще до их исхода подхватил красивый испанец, испанские мужики почти все красивые, мы лихо отплясывали, держались за руки и играли в ладушки. От этих плясок взбодрились и полезли на сцену британские геи, которые весь вечер робко просидели в уголке. Может, и не геи, сейчас не разберешь: англичане все робкие, пока

не выпьют. Покрутила задницей с англичанами. Потом еще пришли испанцы, очень красиво танцевали, чем, заметим в скобках, кардинально отличались и от меня, и от англичан. В общем, мы что-то с кем-то пили, с кем-то обнимались, и когда я выбралась в город, праздник уже закончился.

Это был праздник конца сезона. Еще немного, и разъедутся толпы праздных туристов, умолкнут дискотеки, и курортный городок почти опустеет. А нам пока везет с погодой, ни дождей, ни ветра, и шторма не начались.

На пологих участках раньше не селились близко к воде, здесь неплодородные земли и во время осенних и зимних штормов берег бывает покрыт пеной на сотни метров. Но чтобы добро не пропадало зря, государство субсидирует проживание на море в несезон пенсионерам. «И для вас почти отдых, все-таки не буйная молодежь». Отельные качают головами: «Как раз молодежь в отелях ведет себя организованно. Буянят они в других местах. Вы бы посмотрели на этих дедушек и бабушек: скандалят, дерутся из-за еды – шведский стол, всем хватит, зачем драться? – мусорят, ломают мебель, крадут полотенца. Это вы для нас отдых».

Зимой нечего делать в курортных поселках. Поселках, рожденных из пены морской.

И мы скоро поедem домой.

– Ты отличницей в школе была, наверное? – наехал на меня Шрек.

– Да.

– Оно и видно. Со мной училась одна отличница, мужика убила, еле батя с адвокатами отмазал. А тебя и отмазывать не будут. Такая сука.

– У нас в классе был троечник. Тоже спился.

– Самая крутая? Думаешь, остальные люди ничего не стоят и с ними можно делать все что угодно?

– Людей больше жалеть надо. Причем всех без разбору, и правых, и виноватых. Жалеть.

– О. Это правильно, – Шрек сменил гнев на милость и призадумался. – Люди все слабые. Только откуда тебе это знать...

Взрослый сын Шрека погиб от передоза, и незадачливый отец осудил себя. «Упустил я сына. Я виновен». Трагедия, где бессильны и деньги, и море, и звездное небо. И животная злость по отношению ко всем, кто такой трагедии не пережил. Так говорят умирающие от рака: «Почему я, а не ты? Еще неизвестно, кто раньше сохнет, ты-то чем лучше? Почему я?»

Жалеть. Каждый в этом мире носитя со своей экзистенциальной трагедией, со своей постыдной тайной, как с писаной торбой.

«Знаешь, как говорят? Не дай мне бог вывалиться в твоей грязи!» Да что вы понимаете, Вера: ничего в целом мире не было чище моей грязи.

Даже Веру я жалела. Люди часто думают, что им не хватает секса, а им на самом деле не хватает любви. Они абью-

зеры, и даже себе боятся в этом признаться. Но я не без удовлетворения наблюдала, как Вера, забывшая свой нож в чемодане, на выезде из Ниццы пытается запихнуть в рот целый батон колбасы и остервенело его кусает.

– Вера, ножик нужен? Возьмите мой.

– Не надо ко мне подлизываться!

– Я не подлизываюсь. Просто предлагаю вам отрезать колбасу ножом. Так есть удобнее.

– Что ты ко мне вяжешься? Вижу, как ты меня любишь! Как собака палку.

– Не очень-то вы похожи на палку.

– На что же я, по-твоему, похожа?

– На футбольный мяч.

После этого рядом целые сутки было тихо. Вера демонстративно со мной не заговаривала. На вторые сутки не выдержала. Обменялись репликами. И снова стало тихо. Я опустила спинку сиденья автобуса, надвинула шляпу на лицо, и легла поспать. Хер с вами, Вера, буду храпеть. Еще немного, и начну курить и рыгать.

Когда приехали в Минск, туристы из нашей группы довели меня до дома на машине. Вера осталась одна до утра на вокзале ждать поезда. Шрек тоже был из другого города, и быстро укатил.

Знаю, что сказали бы Вера и Шрек, прочитай они мой рассказ: «Вот дрянь, мы к ней с добром, по-человечески, с лучшими своими намерениями, а она, дура, сделала из нас уро-

дов!» Не гневайтесь, случайные мои попутчики, я вас и правда не кормила-поила и не облизывала. Я вас всего-навсего увековечила. Заодно и себя в образе редкого хама, защищая наш никчемный творческий класс. Свое женское достоинство. Да и мужское тоже.

Выбрались с Нувель погулять в центр. Спустилась я в метро, и там выяснилось, что проездная карточка продается в табачном киоске, а в кассе метро баланс можно только пополнить – ну не абсурд? – а везде гребаная сиеста. Пришлось пешком, высунув язык, по жаре, сверяясь по карте, бедная Нувель прождала на перекрестке полтора часа. Присели в орчатнице. Типа нашего молочного кафе, только подают там не коктейли, а напиток из орчаты. Земляных орешков, хотя это на самом деле клубни.

– Почему вы не поженились?

– Когда я была в браке, ни разу не кончила с мужем. Никак. Для меня этот человек уже стал физически непереносим во всех проявлениях. Как он ест, ходит, звук его голоса, а он возьми да предложи венчаться. Чтобы навек. Дескать, это все исправит. Нет, я не настолько сошла с ума. А с этим стариком, представь, всегда получается, и всего обожаю.

– Возрастное. Аппетит приходит, сама знаешь, во время еды. И особенно когда есть уже не можешь, ну это пока не про нас... Ты говоришь, депрессия. Откуда депрессия, если всегда?

– Он мне всю душу, как бы приличнее выразиться, встряхнул и вытряхнул.

– Я бы только радовалась на твоём месте. С чувствительной душой жить тяжело.

– Да, такая невезуха. Чувства у меня есть. Я в них путаюсь.

– Х.м. Невезуха – это другое. Это когда не было ни одного, а потом вдруг сразу два.

– Да ты предательница всемирного дела феминизма.

– Как будто ты нет. Может у тебя сейчас и без венца брак на небесах?

– А может, и в аду.

Мне почти нечего вспомнить о своем замужестве, хотя казалось, что я выходила по любви. И все-таки...

Вернемся на двадцать лет назад. «Какая красивая пара», говорили нам. Мой единственный законный брак сошел на нет очень быстро. До регистрации мы останавливались в одном номере отеля и вместе спали, но если эпизодическое соуществование еще имело место быть, то совместная жизнь не задалась никак. Волоокое существо, набравшись смелости, стало раскрывать душу.

«Развратная еврейка... В детстве я рисовал в тетрадях свастики и звезды. Я целые страницы заполнял свастиками. Свастики били звезды. Я представлял себя фашистом» – слышали что-то более мерзкое? Хотя есть еще: «В пять лет я сломал руку, и меня не пускали играть со двора. Никаких

активных игр с другими детьми. Я сидел с молотком и бил муравьев. Они ползли по дорожке один за одним, а я их бесконечно бил, бил, бил... Сначала просто так, пока мне это не стало доставлять удовольствия. Я был богом для этих муравьев, они все равно тупые, дошли и ничего не понимали». Интимные откровения – а он редко когда не лгал, потому что привык лгать самому себе – вызывали отвращение. Содрогание. Красавчик, несколько слащавый, неглупый, хотя и ленивый, был редкий ханжа. Не лишенный на первый взгляд очарования.

Его одноклассник, завиральный пройдоха, украл мои деньги и смылся. Благоверный злорадствовал: «Ты ему столько за секс заплатила? А мне, жидовка, на бутылку дать жалко... Я шучу, шутка такая. Я тебя люблю. Не уходи». На афериста я злилась, ибо накрылась моя машина, на бывшего... нет, это уже было за пределами презрения.

«Он и меня кинул – это были *наши* деньги». Деньги, заработанные мной на двух работах. В это же время я ищу квартиру, делаю ремонт, таскаю на себе коробки с плиткой и рулоны с обоями, договариваюсь со строителями; бывший проживает у своих мамы с папой, пьет, плачется мне в телефонную трубку и не дает развод.

«В развратной женщине достоинств больше. Что же ты все не хочешь? Как до свадьбы огонь, а теперь сплошной лесбийский политклуб. Если бы ты мне изменила с женщиной, я бы не возражал. Даже смотрел. С другим, нет, ни за что, а

ты изменяешь со всеми, у меня эта картина так и стоит перед глазами, и меня держишь за лоха. Говоришь, я вообще не могу? Бухаю, потому и не стоит. Да я тебя отымею во все места. Я тебя так отымею, что всем дурно станет».

Бывший истово крестился на купола, попрекал меня атеизмом, пилил, что надо бы воцерковиться, но, как выражается та же православная церковь, сам предавался духовному блуду. Секты, мистика, ему бы клочок шагреновой кожи с последним желанием для прозрения, да не настолько сказочен современный мир.

Небездарен. Но с такой корявой душой. Чего проще: имел несчастье родиться – живи. Страдай, если надо страдать. Радуйся, если надо радоваться. Дерись, если надо драться. «Боженька, а можно тебя обмануть? Нельзя? Но я все-таки попробую».

Как по-моему, обмануть черта можно и попробовать. А с боженькой не надо торговаться по мелочам.

Был у нас приятель с устойчивой репутацией гея. Как рассказывала наша общая подружница Тати, «Звонит как-то Вацлав и спрашивает, я, мол, у вас проездом, могу у тебя переночевать? У меня одна кровать. Вацлав хоть и безопасный, но с собой его спать я не положу». Для бойфрендов Тати отсутствие второй кровати никогда не становилось препятствием. Впрочем, и я не была уверена, что Вацлав гей на сто процентов.

Как-то он прислал сюжет про фиалки.

– Нормально, – сказала Тати. – В нашей горячей точке планеты то сериал про политических узников, то менты кандидата-депутата отмудохают, то записки контрабандиста, а тут сидят два голубана и трендят про фиалки.

– Зато трендят на языке нацменьшинства.

Зашел Вацлав в офис («Девочки, я проездом, я только на минутку заглянул вас повидать»), пообнимался со мной и Тати, пересказал последние сплетни про Мыколу и про Варшаву. Приглашают, мол, на телевизор, но пока товарищи поляки этот телевизор запустят, ласты склеишь. В эфире у нас как раз звучал Элтон Джон.

– Девочки, у меня лично не вызывает сомнения, что песни Элтона Джона адресованы женщине.

Мы с Тати переглянулись.

– Да, да, они абсолютно гетеросексуальны. Песня всегда про мужчину и женщину. Прислушайтесь. Как мы живем и как пишем, разные вещи.

Как бы то ни было, Вацлав спал на одном диване с моим мужем. Тот продолжал клясться и божиться, что «ничего не было», он не гомосексуалист даже в мыслях. Потом плел что-то невнятное, что один раз с кем-то было. Среди ночи мой номер набрала собутыльница бывшего и тоже клялась, что у них «ничего не было». Мне в шесть утра на прямой радиоэфир, вечером студийная съемка на телеке, где я типа сценарист на подхвате, и монтаж до полуночи, а я вынуждена слушать какую-то возбужденную плачущую пьяную блядь. Где

в этот момент бывший, вообще неизвестно.

Я знаю, что значит «не было» в его терминологии, но это оставляло меня абсолютно равнодушной. Любовь закончилась, и уже «ничего не было» нигде. В самой сердцевине волюющего существа была скользкая холодная гниль. Добравшись до сердцевины, я поскользнулась. Мы разошлись.

Однажды я почти не глядя смахнула с полки все безделушки, которые он дарил, свалила в коробку и отнесла на помойку. Порвала много фотографий. Позвонила, чтобы зашел за оставшимися в моей квартире вещами, хотя после переезда мало что осталось. Несколько книг. Отдала книги и заодно свою рукопись компьютерной антиутопии. Прочитал, понравилось, не вернул. «Жюльетту» де Сада оставила себе. Для него аморально. Мне в самый раз.

Вацлав через несколько лет покончил с собой. Выбросился из окна. Это официальная версия полиции. Мне кажется, его убили. Мы с Тати были в шоке. Общий друг, вместе работали, нелепый кавалер, любили, да пусть и гей.

Насчет Элтона Джона он прав. А бывают вообще моменты, когда кажется, что все песни посвящены именно тебе. Песни про боль и любовь. Прекрасные песни, которые испокон веку пишут наркоманы, самоубийцы, педики и сраные ниггеры.

Многие считают, что геем «все равно, как и с кем, была бы в жопе дырка». Нет, конечно. Уводила как-то пьяненького Ива с дискотеки, где его стали лапать непонятные мужики.

Красивый мальчик, модель. У него была истерика, дрожал. «Это же урки. Настоящие уголовники. Сладенький, говорят, блядь сладенький, пустим тебя по кругу. Уведи меня, пожалуйста. Я боюсь». При том что нежный Ив еще и подраться с кем-то мог. Вацлав – не представляю. Денди. Сама галантность. И внутренняя сила в нем была. Мягкая сила.

«Подумаешь, педика замочили. Да так ему и надо». Господи, в каком мире живем.

И все мамы геев спрашивают: «Сынок, когда же ты наконец приведешь девушку?» В двадцать лет, в тридцать... Отцы все сначала проклинают сыновей и только годы спустя могут смириться. Вот так бывает: отец обычный мужик, из тех, что ходят дома в трениках с выдутыми коленями и мечтают о немецком подержанном авто, а сын гей, похож на молодого Фассбиндера. Уехал в 90-х в Голландию. Видятся редко. Живут в разных мирах. Встретились на вокзале, сдержанно обнялись. «Пап, ты же в Маастрихте не был? Красивый город. Съездим, тут недалеко. Расскажешь, как все наши». «Да ты же знаешь, я за машиной сюда приехал. Ничего пока не нашел». И ко мне: «Давайте тоже с нами в Маастрихт? А в Амстердам в другой раз. И вам не скучно одной будет». Но я уже взяла билет.

Моя тетушка все Амстердам нахваливала, по молодости, в 60-х или 70-х, она там побывала. «Самый свободный город! Самая богемная отвязанная молодежь». «А Лондон, спрашиваю, чем хуже?». «Зажатые все в этом Лондоне. На Темзе

мы две недели проторчали, пока нельзя было в море выйти из-за шторма. Кто как кантовался, многие из команды не в первый раз там были, достала их уже эта Темза. Сойдут на берег и засядут в портовом кабаке. Вот и весь их Лондон. А я – дальше в город, смотреть, гулять. Ну и написали на меня особисты потом характеристику... В Манчестере тоже на рейде стояли, сплошь заводская окраина».

Побродила и я по Амстердаму, ноябрь, холодно, моросит. Собаками нагажено, под ноги надо смотреть, а у меня привычка смотреть вверх, на верхние этажи с крышами, да в небо. Одинаковые каналы с припаркованными баржами. Из-под земли выдвинулись столбики, перекрывая въезд машин в старый город. Кофешопы в каждом третьем доме в квартале красных фонарей. Галерея с Рембрандтом. Купила туфли. До вечера в городе тихо, скучно, богема спит. Вечером на улицы вышли играть музыканты, на звук повыползали из укрытий туристы, нарики и потрепанные шлюхи. Как и везде. Не праздник жизни каждый день. Выезжала с приключениями: на вокзале случился затык, региональные рейсы отправлялись с часовым опозданием. В Утрехте всех высадили, на какую платформу придет следующая электричка, непонятно, снова торчали полчаса между двумя уровнями и промерзли как собаки.

Короче говоря, лучше бы меньше слушала тетю и съездила в Маастрихт.

Коренные, провинциалы, не любят Амстердам. «Из-за

Амстердама весь мир думает, что наша страна – грязь, наркотики и бардак. Но мы же нормальные люди!»». А теперь голландцам вообще запретили называться голландцами. Абсурд.

Зажгу-ка я вечером свечку, налью бокал и посижу со своими призраками. Мне еще много чего надо вспомнить.

Лета голые коленки
Зацелую, заблюю.
Я тебя поставлю к стенке
И нечаянно убью.
Всё мне, господи, простится,
Всё мне отольется злом –
Я же бабочка-жар-птица
С позолоченным челом.
Я же дивное творенье
Без особенных примет.
Сгину негой, навью, ленью,
Да меня и так здесь нет.

Ходим с Нуэль по старой Валенсии. Вокзал. Арена для боя быков. На площади перед мэрией половину скамеек покрасили в цвета ЛГБТ-толерантности, половину оставили одноцветными. Присели на радужную, была почище.

– Городское самоуправление. По-здеишему, ахутамент. Тут все через ахутамент.

– Как во Франции везде коммуна.

– У испанцев тоже есть. Коммунидад называется.

– Чертовы коммуноанархисты. И старый козел, представь, туда же: боевые манифесты, когнитивный дискурс. Клином красным бей всех подряд. Троцкий и великий кормчий Ким Чен Ир. Не наигрался в революцию. Революция, говорю, это хуй из жопы хуй высрешь, оно народу надо?

– А вдруг народу только это и надо? Почему, думаешь, гордым испанцам столько лет вставлял генерал Франко – и нормально, терпели? Я, как видишь, посидела тут полгода без работы в качестве верной жены и стала циником.

– Я скоро стану философом. У нас что ни день, то с афоризмом. «У идущих за вами мало ответственности, но сколько угодно поводов усомниться в правильности выбранного пути». «Посредственность не может позволить себе такую роскошь, как паскудный характер». «Искусство – это террор будущего по отношению к прошлому». Как будто не все еще было сказано раньше.

– Ты ведь тоже пишешь?

– Пишу. Стараюсь проще. Без претензий. Упрощаю, что могу. Нацарапала на клочке бумаги фразу «Другой ты меня не полюбишь, а со мной погибнешь». Обдумывала великий замысел, быть может! Нашел и приписал коммент: «Настасья Филипповна, блядь, выискалась».

– И разложил тебя на столе как ноутбук.

– Вот и нет. Не скажу, что было.

Накатило. Поругались. Без причины. Но тогда я не убега-

ла.

Имеем ли мы право вовлекать других в свои игры? Наверное, нет. Имеем ли право просить на игру их согласия? Наверное, да. Имеем ли право вслепую манипулировать другим? Определенно нет. Должны ли признаваться во всем самому себе? Да. Но чем откровеннее пишущий, тем больше он маскирует свою личность. И чем одареннее пишущий, тем больший флер покрывает реальный факт. Литература как танец Саломеи: все проявлено и все скрыто.

Я не пишу автобиографию: моя жизнь мифологизирована моими соавторами. Все мы попали в ловушку, недооценив реальность вымышленных персонажей, и в какой момент сами стали вымыслом.

Катрине как-то захотелось развлечься и она потащила меня в клуб на стриптиз-шоу. Показали какую-то полуакадемическую полуакробатику, ровным счетом никакой эротики. Однако женщины – в клубе они составляли большинство посетителей – взбодрились и, когда включили дискотеку, полезли дрыгаться на сцену, и крутиться возле шеста. Не абсолютизирую Фрейда, но иногда старик бил в точку.

Пока вакханки зажигали, мы столкнулись в туалете с молодым человеком, который участвовал в шоу. Модный такой туалет, где умывальник общий для мужского и женского отсека. Не все люди моют руки после того, как пописают. По крайней мере асексуальный стриптизер оказался воспитанным молодым человеком.

Эмансипация, да...

Четверть века назад находчивые компьютерщики разво-
дили «американских женихов», выдавая себя за «русскую
невесту». Жених переводил деньги бедной девушке на би-
лет, после чего невеста исчезала навсегда. Хотела тогда напи-
сать на этот сюжет комедию, где «бедная русская невеста» –
сисадмин из Новосибирска, и «богатый американский же-
них» – болгарин-мошенник. Почему болгарин? Ездила в 90-
х Болгарию, там тоже был жестокий кризис. Сейчас неакту-
ально, другой уровень технологий. Обман раскроется быст-
ро. А суть сюжета в том, что герои разыгрывают ролевые мо-
дели, увлекаются, сами начинают в них верить (болгарину
надо получить новое гражданство и новый паспорт, он в са-
мом деле влюбляется в незнакомку, а компьютерщик, под-
сунувший «жениху» фотографию жены, уже разработал биз-
нес-план и пакует вещи, чтобы ехать в Америку) – и бац,
случайно встречаются.

Но выходит с этими ролевыми моделями в жизни не ко-
медия, а драма. Так что будем продолжать морочить головы
по старинке. Живьем. И так же сдавать с потрохами.

Странно, мы уже такие взрослые, наше поколение бес-
порядочного промискуитета и неудачных браков. Поколе-
ние, выросшее из вечеринок, где могли запросто спросить:
«Можно отдолжить твоего парня потрахаться?» А могли и
не спросить. Хотя самое страшное, когда трахают не вашего
парня, а ваш мозг, и вы не можете защититься.

О, как мы хорошо с этим насилием знакомы. Вам навязывают чужие воспоминания, чужую личность, чужое будущее, вас превращают в голема. В голове бардак из обрывков информации, которая меня не касается, чужих страхов, желаний, чужой эйфории и чужого отчаяния; в голове непрерывный разговор посторонних, которых вы не знаете, и кто-то лезет даже в ваши сны, и кто-то даже ваши сны хочет редактировать, и предупредить, ах, не споткнись, соломки подстелю, и стелит только моим врагам.

Вокруг меня слишком много ближних доброжелателей.

Сиди на цепи, детка, и с тобой ничего не случится.

Мне приходилось встречать своих настоящих двойников, это мгновенное узнавание. Вы забываете ключи в замке – и то же делает ваш двойник. У него депрессия – вам хоть волком вой. Один на другого наезжает, и обоим одинаково несправедливо обидно. Двойники, как животные одного вида, понимают друг друга без слов, им нельзя издеваться друг над другом. Это все равно что над собой. И над собой нельзя, потому что болеть будет другому. Нельзя с собой ничего сделать, такая штука.

Я не могу назвать это «любовь», это другое. Этакое ментальное овладение. Друга оскорбляла мерзость и подлость по отношению ко мне. Будь у него возможности демидурга, он убил бы моего бывшего в жизни. А так мог убить только на словах. Убил. Маленькая месть.

Я чья-то маленькая победа над временем. «Я еще моло-

дую Сьюзен Сонтаг помню. А уже постоял у ее могилы». Ирония судьбы: я вспоминаю фразу, когда сама там стою. Я иду по уже описанному маршруту. Но иду по худшему пути, без страховки, наугад; доброжелатели негодуют, затея с големом провалилась. Какой облом для всех, кроме меня.

Сейчас 3 часа ночи. В соседних домах ни в одном окне нет света. Апрель. Неожиданный поздний снег. Я закрываю глаза.

– Тебе все равно, кто рядом. Твоя природа любви безлична. Мне не все равно. Я хорошо знал всех своих женщин, потому что нельзя быть в бездарных отношениях с искусством.

Давно, в юности, я разбила стекло рукой. Было много порезов и крови. Раны затянулись, остались шрамы, и глубоко в ладони застряли крошечные осколки стекла. Прошло пятнадцать лет, все это время при определенных поворотах руки они причиняли боль, я привыкла. Думала, мясо не так срослось. Что ж, вперед наука, не давать волю эмоциям. Не калечить себя почем зря. Только потому что не любят. Или потому что только так кажется. Шрамы почти разгладились. Осколки вышли только через пятнадцать лет. Сначала один. Второй... Как тонкие стеклянные иголки. Иголки-пластинки. Так странно крошится стекло. Бескровно вышли. Почти безболезненно. Накануне стала чесаться ладонь, утром немного нарывать, думала, из-за кораллов. Когда плавала, задевала руками. Нельзя трогать кораллы, меня сто раз предупреждали.

Но это были осколки, застрявшие в ладони пятнадцать лет назад, когда жизнь казалась безнадежной. А сейчас мы с Катриной лежим в шезлонгах в коралловой бухте. Бирюзовое море, легкий бриз. Хорошо виден отлив, и метров за сто от берега далеко в море уходит песчаная коса. Когда отлив, отдыхающие любят гулять по косе по колено в воде. Подкалываю Катрину, только что съездившую в Израиль:

– Смотри, снова Христы по воде пошли. А тебе Мертвое море подавай, Вифлеем...

– Так уж и Христы!

– Давай вместе с народом по косе погуляем! Прикольно побыть пророком.

– Ха. Ты же теперь в ислам подалась.

Нас вчера возили в мечеть. Самую большую мечеть в округе. Как приличная девушка, обернула голову пляжным платком, надела длинную юбку. В мечети нам надавали кучу брошюрок, сижу на пляже, почитываю. За мной ухлестывает Осама, он мне совсем не нравится, я думаю про Алекса, хотя между нами кроме соавторских отношений ничего нет, бывшего тоже зовут Алекс, но это другой Алекс, коллега, и он задал загадки, на которые я пока не могу найти ответ, и на нежеланные свидания таскаю с собой Катрину, она дуется.

– Он тебя приглашает, а не меня!

– Ничего страшного, в гареме можно иметь четыре жены. Хватило бы денег всех прокормить. Осама шеф-повар в пятизвездочном отеле, поэтому с кормежкой проблем не будет.

– С Димаксом вы больше друг другу подходили.

– Потому что оба из индустрии развлечений.

– Может, он переодетый арабский принц, – фантазирует

Катрина. – Или Аладдин. Исстрадался парень!

– Кати, у него работа такая – туристов развлекать. Флиртовать со скучающими дамочками.

– Не ври, что тебе не нравится флиртовать.

– Но у меня это хобби. В свободное от работы время.

– У тебя ужасная натура! И воспитания никакого.

– Куда мне до вашего древнего магнатского рода. Я так, принцесса на горошине с польских задворков.

Осама возил нас в закрытую часть города, где живут одни мужчины. Все, кто здесь работает. Продавцы, горничные, хостельеры, аниматоры, официанты, экскурсоводы. Предупредил, чтобы не выходили из машины. Мы бы и без предупреждения не стали бы. Проехали не останавливаясь. Представьте: сотни молодых мусульманских мужчин, вынужденных целыми днями улыбаться, угождать, лебезить, опускать глаза. Другой работы нет. Никакого секса. Свои женщины далеко, в других городах. К иностранкам не приставать, только если сами не попросят, и так, чтобы никто не застукал. Не только из начальства, но и своего брата из obsługi. Настучат. Ухмыляться, смакуя подробности, вместе будут, хлопать друг друга по спине, обмениваться глумливыми жестами, а все равно настучат. Это восток. Иерархия рулит. Это их обычная повседневная жизнь. Дневная угодливая жизнь.

Сейчас время ночь. Сотни злых голодных мужчин вышли на охоту в пустыню. Нас бы в этом тайном районе разорвали в клочья, и никакой Осамы не помог. Плевать им, кто ты, женщина или мужчина – здесь ты просто классовый враг.

Еще мы ездили к памятнику, установленному на месте, где потерпел катастрофу боинг. Сразу после взлета рухнул в море, почти никого не нашли, а так близко от берега. Возле памятника сидели две парочки. Чуть поодаль от берега, на пустыре, кошки с воплями справляли свадьбу.

Я смотрю на осколки, которые вышли из моей ладони. Выбрасываю в море. Да я уже и думать забыла, из-за кого.

Возвращаюсь в настоящее. Три, нет, уже четыре ночи, апрель. Снег закончился и растаял. У Катрины недавно был день рождения. Давно не виделись. Надо бы позвонить.

Снова с Натали на пляже. Снова штормит и грязно. Еще и ветер. Какой-то чувак залез в одежде по колено в воду, машет руками и орет: «Это я, Владик из Казахстана! Я снова с вами, мои дорогие подписчики! Валенсия! Ты чудо!» И деловитым тоном второму чуваку, который его снимает: «Фигня, не пойдет. Стирай. Давай сначала. Это я!..».

– Вот так народ рекламой разводят. «Чудо»! Не море сегодня, а редкий отстой. В Барселоне, правда, пляж еще хуже. Как твоя компания съездила на шопинг?

– Никак. Погуляли по торговому центру. Ничего не купили. Удивительно, никто ничего. У нас и то больше выбор.

– Не разбудила вчера подружек?

– Они сами загуляли по кабакам.

– Блогер уже третий раз «чудо» снимает. Лучшие бы штаны снял.

– А ты ему покричи: «Казахстан, сними штаны! Нечем волну взбивать!»

– Ветер сильный.

– Ничего, услышит.

– По-твоему, мужик может кончить от одного только петтинга?

– Может. Со мной в лифте было. Экспериментально проверено.

– С ума сошли – в лифте?

– Остальным жильцам пришлось подождать, пока лифт освободится.

– С кем это вы так кувыркались?

– Случайно вышло, в общем. Только познакомились на вечеринке, выпили, поехали вниз вместе с 9-го этажа. Никуда не доехали, закрыли дверь, там был лифт старой конструкции, и сразу стали друг друга трогать через одежду. Даже кнопку первого этажа не нажали.

– И потом ты всех уверяешь, что ничего не было?

– А что? Было потом еще раз, в сквере. Это вообще не секс. Я и не помню, как его звали.

– Неизвестно с кем и без проникновения – и уже не секс? Ну ты даешь. Тогда что это было?

– Не знаю. Мне было скучно.

– Вы могли ближе познакомиться.

– Но нам сразу не о чем было говорить.

А вот как бывает, когда говорят. Мы много говорили, когда были молодыми.

Все считали его бездельником. «Я не работал ни дня в своей жизни!» – с гордостью сообщал он в первую минуту знакомства. Во вторую он пытался стрелкнуть у вас сигарету, в третью выдавал примерно следующее: «Извини, дорогая, я не куплю тебе шоколадку, во-первых, потому что ничего не дарю девушкам из принципа, во-вторых, у меня нет денег. Но если поставишь мне пива, желательно покрепче, терпеть не могу безалкогольной бурды, я не против. Может быть, даже сделаю тебе что-нибудь приятное – скажу «спасибо» и, если будешь себя хорошо вести, трахну в ближайшей подворотне. Эй, солнце мое, куда ты?»

Думаете, никто не покупал ему пива и не бежал в подворотню? Процесс игры в жизнь для него был важнее результата. Играть он тогда еще только учился. Приятели посмеивались над его жестокими опытами, даже если сами становились жертвами, и многое прощали.

Он был моим другом и почти родственником. Вроде троюродного брата. Иначе непонятно, как рядом с таким тунеядцем могла оказаться я – умная, красивая, богатая и знаменитая. «Мы с тобой старые сентиментальные идиоты, – говорил он в свои девятнадцать. – Разве кому-то здесь нужно то, что мы делаем? Твои дурацкие истории или мои картин-

ки? Взгляни на эти лица! Эти тупые пьяные хари, бритые затылки или на этих глупеньких кривоногих девиц... Они нас задушат, или нет, хуже – мы станем такими же, бесцветными и вульгарными. А в лучшем случае неудачниками, как наши родители... Или как Ницше и Бодлер».

Это были не худшие примеры. Как-то мне довелось ночевать на вокзале одного южного городка. В полупустой зал ожидания зашла большая собака и улеглась на цементный пол. Старая и больная, она надрывно кашляла. Собравшись с силами, собака поднялась и стала обходить полусонных пассажиров, выпрашивая подачку. Я бросила пару печений, кто-то поделился бутербродом. Собака все съела. И тут в зал забрел алкаш и наблевал на пол. Собака подождала, пока он уйдет, тяжело поднялась, подошла к зловонной луже и полностью ее слизала.

Если вам покажут такую сцену в кино, вы можете закрыть глаза. Вы можете уйти с сеанса. Вы можете выключить телевизор. Реальность циничней: никогда не угадаешь, в какой момент надо закрывать глаза, а в какой выключать телевизор. А если и угадаешь, все равно выключить нельзя.

Разумеется, подобный собачий образ неудачливости он даже не принимал в расчет! Люмпеном он никогда бы не стал – ведь он был парнем из хорошей семьи. Ему было девятнадцать. Мне двадцать три. Наша потенциальная неудачливость относилась к разряду «жемчуг помельче»: в худшем случае мы не стали бы суперзвездами и героями поколения.

Остальное – счастливое детство, дипломы, квартиры, дачи, машины, путешествия – осталось бы скрашивать наше существование в мире. Так впоследствии и произошло.

Почему я до сих пор не назову реального имени героя или хотя бы выдуманного? Ладно, Алексис. В предыдущей версии рассказа, написанной двадцать лет назад, «он» так и остался безымянным. Местоимением 3-го лица, единственного числа для обозначения объектов мужского рода, от президента США до плавленого сырка.

Не буду углубляться в анализ наших взаимоотношений. Дескать, ты козел поганый, а я ангел во плоти. Это было бы слишком просто. Представьте пассаж из дамского романа: «Он заключил ее в страстные объятия и они слились в сладостном экстазе», а она думает в это время об отклеивающихся обоях, а он о ненакормленном коте, который может в отместку насрать в туфли. В жизни так. В такой жизни, где кошмарная графоманская фраза надстраивает убогий быт. Это вам не белые носочки играющей в теннис Лолиты! Эти носочки, как отметил один умный критик, возможно, самый эротичный из образов литературы.

Я, к сожалению, так писать не умею. Писать о том, что мы ссорились на неделю и мирились на двадцать минут, что едва познакомившись, вместе встретили новый год, и тактично оставленные одни в чужой квартире, сожрали чайной ложкой банку красной икры и часа в три ночи легли спать на одном диване на расстоянии вытянутой руки, это едва ли

кому-то будет интересно. Он приводил ко мне своих подружек, чтобы позлить, я рассказала, что новый год встретила с ним только потому, что рассталась с питерским любовником. У меня на всю жизнь осталось странное свойство забывать мужчин моих грехов, но хорошо помнить города.

Мы оба еще стеснялись любить, но уже прекрасно знали, как мучить друг друга. Как избалованные жестокие дети. Как невинные дети.

Я везла его пьяного в дупель домой с вечеринки, на которой к нему упорно клеилась какая-то девка, родственница однокурсницы, и все-таки потом его поймела в позе наездницы, от чего ему было мерзко, да и мне тоже.

«Кружевной поясок, чулочки, она так уверенно сняла трусы... Слушай, ты тоже такую кружевную хрень с подвязками носишь?»

«Я похожа на девушку, которая носит пояс с чулками?»

«Кто вас разберет».

Привел ко мне домой совсем юную девицу. Усадил на мою постель. Ну ты же не против, сестричка. Я бы поел что-нибудь. Посмотрю в холодильнике, у тебя всегда что-то есть. А ты посиди пока тут, детка». По контрасту с предыдущей, девочка в растянутом свитере и мужских ботинках. Я выбегаю за ним на кухню.

«Она совершеннолетняя вообще? В каком классе учится?»

«Какая разница? Если кого и будут судить за совращение

малолетних, то не тебя».

«Придурок».

«Да все нормально, поем и пойдем».

«Ты всю колбасу сожрал. Сделал бы девочке бутерброд».

«Обойдется. О, я еще у тебя стаканчик возьму, с рыбкой».

Прикольная рыбка. Она мне водки купит. Родители ей денег дали типа на мороженое-хероженое».

Это эротика? Нет, трагикомедия. Так прошла зима, весна. В мае мы с его другом Дени, единственный нормальный из нашей троицы, играли вместе на гитаре в подземном переходе, на подхвате возник Тима из Академии искусств, нашибали монет, отправились гулять по городу и кутить. Разразилась гроза. Хлынул ливень. Мы спрятались в арке, где уже было несколько застигнутых врасплох прохожих. Зонтики тут были бессильны: хорошая майская гроза, дождь стоит стеной, и уже через пять минут по улице несется поток. Дени начал играть на гитаре, мы с Тимой танцевать по кромке воды, поток разливался, и почти затопил тротуар под аркой, мы то и дело оступались в воду; гитару Дени взял парень постарше, из тех, кто прятался от дождя, здорово сыграл рок-н-ролл, задал ритм, попрыгали втроем с Дени, брызги летели на всех, последним порывом дождя и ветром тоже обдало всех. Ливень закончился внезапно, как бывает в мае, выглянуло солнце. Мы полезли на крышу высотки, тогда еще не было кодовых замков и чердаки были открыты, я на каблуках, лезть по тонким приставным лесенкам неудобно; на

крыше мы пили шампанское, демонстративно обжимались и целовались с Тимочкой. Дени укоризненно сказал: «Я думал, только он такой. А ты, оказывается, тоже». Ему было обидно за нас обоих.

Дени как-то сунул мне леденец на палочке.

– Что за детская проверочка?

– Да так, интересно.

Я откусила леденец и с хрустом сжевала.

– Видишь, Леша: девушка страстная и нетерпеливая. А ты дурак.

– Оба вы придурки.

– Я и не отрицаю, – согласился Дени. – С кем, как говорится, поведешься...

И мы с Алексисом продолжали делать больно себе и другим.

Да-с, литературная эротика страшно далека от реальной. Носочки Лолиты... «Вместо того, чтобы взять на всех пива, он купил себе этот дурацкий сиреневый свитерок!», – сказал Дени. Надо было что-то сказать в тот момент. Потому что несколькими секундами раньше Алексис неуверенно спросил: «А не пожениться ли нам?» и я сказала «Нет». Мы больше не знали, что сказать. Дени решил обратить дело в шутку. Какое на фиг крушение надежд, когда вся жизнь впереди.

Вернемся назад, в март. Расскажу смешной эпизод. Несмотря на нашу маленькую внутреннюю драму, мы тогда жили беззаботно, и в силу хронического безденежья шля-

лись по городу и заводили много знакомств. Как-то на панели – пяточке, где художники продавали свои работы – встретили Рому и Гачека, с которыми познакомились на недавней выставке. Взяли дешевенький бренди, Рома лично для меня купил один апельсин, и поскольку с демократичными кафе в кризис было негусто, мы стали соображать, куда бы пойти. На улице все-таки холодно. Тут Гачеку попалась на глаза афиша клуба элитарного кино с заманчивой надписью «Вход свободный».

– Отлично, – сказал Рома. – Пошли в клуб. Нам сразу покажут и кино, и буфет.

– Так не из горла же пить, – заметил мой герой.

– Эстет! Ладно, будет тебе стакан, – сказал Гачек.

Гачек зашел в универсам «Центральный» и через пару минут вернулся со стаканом:

– Со стойки спер.

– Ты стакан помыл хотя бы?

– Точно эстет. Дойдем до клуба, в туалете помою.

Киносеанс уже начался, когда наша компания ввалилась в зал и расположилась в последнем ряду. Рома уселся справа от меня, а слева мой кавалер. Едва Рома открыл бутылку и налил дринок, к парню из хорошей семьи подсел однокурсник – кто еще мог тогда ходить на элитарное кино, кроме чокнутых художников с писателями? – и громким шепотом спросил:

– Что у вас?

– «Империал».

– Я такую гадость не пью, – сказал однокурсник и выпил залпом.

Рома проявляет беспокойство и толкает меня в бок:

– Это еще кто?

– Понятия не имею. Друг.

– Хули что там за друг! Друг больше не пьет. Гоните назад стакан.

Алексис пытается передать стакан и роняет в проход. Немногочисленные зрители проявляют интерес к нашему заднему ряду, тем паче фильм авангардный и занудный.

– Хорош посудой кидаться! – шипит Гачек.

– Я же не нарочно.

– Куда уронил? Ни хрена не видно. Ищи сам, раз криво-рукый.

Ищем в потемках трофейный стакан. Уф! Не разбился. Просто чудо. Рома снова булькает. На экране появляется стадо слонов. У меня они вызывают приступ безудержного смеха. У Алексиса тоже. Мы тупо смотрим на слонов и ржем до истерики. Одни на весь зал. Алексис сбрасывает апельсин с моих колен. Шарим поблизости под стульями, ничего нет.

– Рома, апельсин укатился, – говорю я.

– Ну твой ваще полный придурок, – отвечает Рома.

Рома поднимается и идет вдоль ряда.

– Извините, – обращается к сидящим впереди любителям кино. – Вы случайно тут апельсина не видели?

Апельсин ищут коллективно. Находят. Чищу апельсин. Экранные слоны исполняют стойку на передних ногах.

– Ишь, мужик впереди заерзал: тоже апельсина хочется, – комментирует Гачек.

– Мне тоже хочется, – говорит парень из хорошей семьи.

– Обойдешься! – сурово осекает его Рома. – Не для тебя куплено.

– Как так пить и не закусывать?

– Дай ему корку, пусть подавится.

На экране девушка с немецкой аккуратной настойчивостью спускает в унитаз деньги.

– Обалдела чувиха! Двадцать тысяч марок, – почти вслух сообщает Гачек.

И так далее. Возможно, вам этот эпизод не покажется смешным. Чуть-чуть богемным, не более. Странно, что я до сих пор помню.

Хотя зачем врать? Не помню. Записала. Я ведь раньше записывала, как режу себе кожу, и нарисовала свои слезы. Настоящие слезы. Плачут все, но мало кто при этом смотрит в зеркало, и совсем единицы берутся за карандаш.

Ах, да, любовь.

Когда мы вышли на улицу, был тихий вечер. Горели фонари, в воздухе мельтешил легкий снежок. Гачек вспомнил, что дома его ждет беременная жена, а Рома, что ему надо срочно звонить договариваться о работе. После недолгих колебаний художники пошли пить дальше. Мы отправились по

домам. По дороге я вспомнила про апельсин и улыбнулась.

– Что это ты сморщилась, как гриб-сморчок? – ласково спросил он.

Несколько фраз – все, что от него осталось. Немного. Но от иных людей, отметившихся в моей жизни, осталось еще меньше. С ужасом признаю – что делать? – что не помню не только ни одного высказывания, но даже имени. Когда со мной здороваются на улицах, я не сразу могу сообразить, кто бы это мог быть. Кто-то с какой-то работы. Кто-то из лифта.

...Март, апрель, май. Каждую неделю Алексис приводил новую.

«Последняя выше тебя на голову. Более подходящую по росту не нашел?»

«От более подходящей не дождешься».

«Проявил бы инициативу. Кто из нас мужчина?».

«Она вообще тупая как пробка. Пора избавляться».

«Ты ей понравился. От девушки непросто избавиться, если ты ей нравишься».

«За неделю я ее так достану, что сама сбежит. Спорим?»

Плети сыпались и в другой стороны, хотя Дени был представлен ко мне блюсти высокие принципы морали.

Неожиданно позвонил Поль, с которым мы несколько месяцев назад познакомились на концерте, где я подралась и панк Митрич, совсем дитя, прикладывал банку холодного пива мне к глазу – или это в другой раз? – потом до утра сидели на берегу, пели, играли на гитаре, потом на кухне запи-

сали несколько песен. Поля предложил еще сделать запись с ребятами. За компанию увязались Алексис и Дени. Сообразительный Дени увлек Поля разговорами и не дал нам поговорить ни о чем вообще; Алексис дулся всю дорогу. Приехали. Молодежь – ребята были на несколько лет младше меня – выучили пару моих песен, вот неожиданность! Можно побыть звездой. Записи в итоге не получилось, посидели, потрендели.

На обратном пути Алексис был мрачнее тучи:

– Эти малолетки смотрели на тебя как на бога.

– На тебя твои девочки так же смотрят.

– Ну и трахайся с ними, если так нравится.

– Мне должно нравиться, что ты таскаешь ко мне домой всех подряд?

– Вообще перестану приходить.

Поссорились. помирились. Пошли в гости в общежитие. Он завис с девушкой, просто говорили. Я психанула, нервы с ним всегда были на пределе, и сбежала. На крышу. Посидела одна наверху, болтая ножками в воздухе, посмотрела на город. Спустилась и бродила по незнакомым улицам. Он вообразил другое. Поехал домой, наелся таблеток, выпил бутылку водки. Откачали.

«Такая безумная любовь, – говорила потом Лапушка с грустью и восхищением. – Как вы только не поубивали друг друга».

Мы снова помирились. Алексис пришел покаяться:

«Снял мелкую шлюшку в сквере на Победе... Запустил руку под юбку, а там ничего... ни колготок, ни трусиков... ну сама понимаешь, раз полез, пришлось идти до конца».

«Триппер не подцепил, надеюсь?»

«Пока не знаю. Я должен был быть с тобой, а трачу себя на второсортных бэби. Совсем сгулялся, мама говорит. «Сгулялся», представляешь? Человек с высшим образованием, а употребляет такое слово».

«Изгулялся, как домашний кот на помойке».

«Слушай, еще не поздно. Женись на мне».

«Так не говорят».

«Выходи замуж. Или выходи за Дени. Вы вроде неплохо поладили».

«Теперь ты решаешь и за меня, и за Дени?»

«Я ведь и сдохнуть могу под каким-нибудь забором».

«Самое подходящее для тебя место».

«Ты злая. В третий раз предлагать не буду».

Накануне вечером с Натали ездили в центр города. Попали в вихрь экологической демонстрации. Много молодежи. Весело шли, с самодельными плакатами и магнитофонами. Отдельные группы скандировали лозунги. «А нас, помнишь, на маевки и на октябрьские в институте чуть не насильно загоняли. И в школе, в старших классах, обручами и надувными мячами трясти». «Да нормально было, отчего не сходить? Шариками помахать, покричать в общей массе. Взять винчика потом на флэт». «День седьмое ноября –

красный день для колдыря. А холодина, первый снег». «И шик тогда был особый, помнишь? Браслеты из лезвий. В школе оденут тебе на запястье такой браслет, не знаешь потом, как снять».

Побродили по старому городу. На арене для боя быков концерт местного знойного идола, испанские девчонки снаружи облепили решетки, где что-то видно в амбразуры, визжат. Певец чувственно старается. Девчонки прыгают от избытка чувств. Счастливые испанские девчонки.

Пришли на автобусную остановку. Я уже в курсе, что метро на нашей линии после 10 вечера не ходит: позавчера были в клубе на шоу фламенко. Клуб стилизован под портовый кабак, и нарочито состаренными фанерными столиками. Платишь при входе, в цену входит представление и один дринок. Людей набилось много. («Давайте немного раздвинем стулья, чтобы за наш столик никто не подсел». «Саша, не борзей, мы тут не одни»).

На импровизированную сцену вышла немолодая тетечка и потрепанный гитарист. Потом еще молодой танцор. Тетечка стала говорить, никто почти не понимал по-испански, может, там вообще было на валенсийском, или каталане, запела, резкий тембр, грубая рваная песня. Закончилась, артисты стали танцевать. Раньше я видела танцоров фламенко, но скорее академических. Эффектная пара, красивые костюмы, отточенные движения. Здесь было другое, народное. Минут через пять мы все, не знавшие языка,

стали понимать, о чем поет тетечка, и весь ее трагикомический рассказ о маленькой и не очень счастливой жизни. В программе поочередно менялись разговорные номера, песни и танцы. Артисты, все трое, были хороши. Все трое выкладывались, по нарастающей, все трое взяли зрителей за горло. Мы понимали, что изо дня в день они катают эту программу, все акценты рассчитаны, и кабак не настоящий, тут потрудились дизайнеры, и вообще это развесистая клюква для туристов, и все-таки это было чудо.

Почти час мне потом пришлось в одиночку топтать по ночной Валенсии.

И вот дубль два: проторчали полчаса на автобусной остановке. Топаем снова марафон вместе с Натали. После захода солнца все города выглядят иначе. Мой портовый квартал безопаснее ебеней, где компания эженин бальзаковского возраста сняла квартиру.

Но раз уж сидим сегодня на пляже, можно догадаться, что все добрались без приключений. Ветрено, штормит, не поплаваешь.

Натали задумчиво:

– Я не моралистка, но все-таки нехорошо спать с одним, а постоянно думать о другом.

– Не о другом, что ты! О чем угодно. Про Алексиса я уже и думать к моменту замужества забыла. Хотя кольнула меня мысль, когда бывший сделал предложение: не пора ли разбежаться.

– *Капризная ты барышня: то подсознание жмет, то колготки на голове плохо сидят.*

Девочки, сидящие по соседству, соотечественницы, по-русски, по крайней мере, понимают, сворачиваются и уходят.

– *Распугали мы молодежь, распугали. И без сашиных титек.*

– *Идеальная титька должна помещаться в кисть руки.*

– *Твою или его?*

– *Да ну, блин, развратница. Моя рука меньше.*

С Лапушкой, как с Митричем и Полем, мы познакомились за год до описываемых событий, в Витебске. А в то памятное странное лето она окончила техникум, приехала поступать в вуз и провалила экзамены. Взяла билет на поезд дальнего следования и собиралась навсегда отчалить на Дальний Восток к родне.

Алексис с Дени уехали на практику убирать, подготавливать к реставрации и рисовать исторические руины. С тех пор руины надстроили, украсили, сделали туристическими объектами, и новодел гордо именуется «старинными замками».

Давние друзья, бывшие в курсе моей непростой личной жизни, вытащили меня и Лапушку на озера с ночевкой. Пригласили и свободных парней, чтобы они составили нам компанию. Без намеков и намерений. Шашлыки, извращенство с блинчиками на костре, пиво, лимонад, пляжный волей-

бол, купание в несильно теплой воде. Вечером снова костер, на котором прожгли огромную дыру в моих «левисах», что, естественно, не добавило дню радости. Большую компанию расселили по палаткам. Все мило и забавно. Пока мы дрыхли, Бо подвесил нашу обувь высоко на дерево и очень веселился, когда мы разозлились. Парни не без усилий обувь с дерева сняли.

Шуточки в духе Бо: как-то он без предупреждения два раза подкинул меня в воздухе с кувыркком. Легко. Сальто мортале. Пояснил: акробатический рок-н-ролл. Сказал бы заранее, ты бы испугалась. «А если бы уронил?» «Не уронил бы, на жене натренировался».

Днем Бо и парень, составлявший мне компанию, придумали новую забаву: начали разрисовывать меня углем от костра и помадой. «Бедная девушка, – заметил кто-то из проходивших мимо отдыхающих. – Как они будут потом ее отмывать?». На шею и на пояс мне навесили ножи, дали копье – большую палку; Бо зарылся в песок с пучком петрушки во рту («От меня осталась одна голова! Все остальное съели!»). Хели, моя школьная подруга и жена Бо, фотографировала «дикарей». Потом меня отмывали в озере и оттирали песком. Не самый приятный пилинг.

Пока мы играли в индейцев, у Лапушки случилась любовь с первого взгляда и на всю жизнь. Через два дня поезд должен был навсегда унести ее из наших болотных с гнильцой реалий. Засидевшаяся в мужененавистницах Лапушка ниче-

го экстраординарного не ожидала ни от судьбы, ни от себя, и даже не сообщила парню, как ее зовут. Мы вернулись домой. Ошалевшая Лапушка стала меня целовать. Она не понимала, что с ней происходит. Я-то понимала. Наша дева была готова переспать сразу с двумя любовниками, и какая-то часть меня совсем была не против.

Приехал «мой новый парень», мы повезли Лапушку на вокзал и стали долго целоваться на платформе. Реально драматическая сцена, впоследствии растиражированная (где только не). Прощаясь навсегда. Это было совсем не так, как целовать мужчину; но хуже всего было то, что мужчиной в данном случае была я. Не знаю, что думали невольные зрители. Хотя нравы 90-х уже отличались от 80-х. Лапушка в слезах укатила, парень проводил меня домой и больше мы не виделись.

Не прошло и часа после отправления поезда, как позвонил телефон. Бедный влюбленный спрашивал: как зовут Лапушку? Какой номер поезда? Какой вагон? Догнал поезд в другом городе, разыскал девушку, снял с поезда и женился. Чудеса случаются. У Лапушки был один билет, у судьбы другой.

Я думаю не без мрачной иронии: за один день совратить девушку, выдать ее замуж и задать сомнительный тон шоу-бизнесу. Кто еще так успел?

А лесбиянки ко мне приставали и раньше, и впоследствии. Одна в косметическом салоне запустила мне руку под

блузку и стала поглаживать грудь. Не скажу, чтобы это было неприятно. Но я натуралка.

Вернулись с практики Алексис и Дени. Алексису никто рассказать не мог, но измену он почуял. Заехала Хели отдать фотографии, Алексис начал зло на нее наезжать. («Разбалованный домашний мальчик. Но с характером»). Погуляли втроем с Дени еще пару раз. О новых пассиях Алексис уже не заикался. Безбашенное веселье закончилось. Не знаю, каким бумерангом его долбануло, но он был прибит.

Странный был год. Прошло несколько месяцев, я познакомилась со своим фашистиком. Вышла замуж. Алексис женился через несколько лет. Заматерел. Родил ребенка.

Нам не всегда легко с людьми, с которыми мы имеем шанс прожить счастливо двадцать лет. И у нас гораздо больше шансов прожить эти двадцать лет кое-как с кем-то другим. Мы с Алексисом, как ежи, выставили друг против друга иголки. Мы боялись жертвовать монополией на самих себя со своим ужасным характером и одновременно боялись быть любимыми такими, какие есть, а не такими, какими себя придумывали. Какая разница, кто начал эту игру – мы играли в нее оба.

Через десять лет после сюжета наших опасных связей мы снова встретились.

– Сходил на демонстрации после выборов. Большого дебилизма не встречал: собрали людей, куда идти, никто не знает, появились мутные организаторы-координаторы, дали

растяжку, и таскали мы эту растяжку вперед и назад по проспекту. Мой дядька, военный, увидел меня по «Европьюс» – Леша, куда ты лезешь? Посадят!»

– Вот и ты стал звездой сопротивления на пять минут.

– Лохотрон, а не оппозиция. А ты все борешься против режима. Много там мальчиков?

– Целый офис.

– Как иначе. Вокруг тебя всегда любовь, блядство и революция. Все еще замужем за этим?

– Не могу добиться развода.

Сходили в кино. Он же мне типа троюродный брат.

В юности все непорочны, что бы ни делали, но еще этого не понимают, хотят скорее вырасти. Вырастают. Взрослеют. Мало кому удается оставаться непорочным до конца своих дней.

Мы остались.

– *Зачем тебе было ехать во Францию, когда вся Франция у тебя была не выходя из дома?! – смеялась потом Нувель.*

– *Была. Давно... Когда мы учились, один из преподавателей возмутился на деканате: «У нас в одном только четвертом общежитии секса больше, чем во всем городе Париже». А репутация «города любви», скажу тебе честно, сильно преувеличена. Коммуну строить, карикатуры рисовать и головы почем зря рубить, это да, французы могут.*

– *Вот. Оставалась бы дома и для разнообразия ходила в гости в общежитие.*

– *Какая ты циничная.*

– *Ты бы в еврозаднице безвылазно посидела. Приезжать-уезжать легко.*

– *Но я все-таки поехала и не один раз.*

Тогда была ранняя жаркая весна. Я вышла из Люксембургского сада и пошла по Вожирар, пропустила поворот к Дому инвалидов, и шла, задумавшись. Была вторая половина дня, и солнце все время светило в глаза. Улица Вожирар длинная. Я прошла ее до конца, незаметно для себя, до кольца бульваров. И только когда замаячили стекляшки павильонов, поняла, что я совсем не в том районе, который мне нужен. Этот город только сначала кажется большим, а пройти его по диаметру внутри кольца ничего не стоит.

Свернула к Сене. На мосту меня охватил иррациональный ужас, я старалась держаться подальше от края и жаться к проезжей части. Со мной такое бывает на всех этих подвесных конструкциях. Подкашиваются ноги и буквально тошнит от страха. Я вижу мост, прохожих на нем, автомобили, и одновременно чувствую, что иду по пустоте и сейчас упаду вниз. Кошмар, из которого нельзя проснуться. И тогда я вонзаю ногти в ладонь или прикусываю язык. Не всегда помогает. Все встречные прохожие вынуждены были сворачивать на другую сторону и идти по-английски.

Университеты окончены. С преподаванием завязала. Я в Париже. Частное лицо. Бездельничаю. Хожу по музеям. Сижу в Тюильри, ем каштаны и миндаль. Пишу что-то в блок-

нот. Здесь всегда есть повод что-то записать. Когда-то давно приснилось, что мне в этом невинном и порочном городе отрубили голову. Может, поэтому чувствую себя здесь как дома. К мостофобии, впрочем, это не имеет никакого отношения.

Читаю в интернете очерк про Великую французскую революцию и изобретение гильотины: «Наблюдение за казнями стало самым популярным парижским развлечением. В газетах печатались расписания экзекуций, на улицах продавались программки с именами осужденных. Избранные граждане могли получить специальные контрамарки, чтобы занять место у самого эшафота. Учителя водили на просмотр публичных казней учеников, в магазинах продавались игрушечные гильотины, при помощи которых дети с удовольствием обезглавливали кукол и мелких грызунов.

С большим интересом наблюдал за работой гильотины и научный мир просвещенной Франции. Темой дискуссии стал вопрос: умирает ли голова (мозг) сразу после отсечения или живет еще какое-то время? Доктор Борье из Монпелье заранее договорился с осужденным Анри Лангием: после казни он окликнет его, и если тот услышит, то поднимет и опустит веки. Вот как описывает этот случай в журнале «Архив криминальной антропологии» доктор Борье:

– Голову положили на затылок и мне не пришлось брать ее в руки. Я к ней даже не прикасался (...). Тотчас после обезглавливания веки и губы приговоренного начали сокращать-

ся, это длилось пять-шесть секунд. Я подождал еще несколько секунд, тик прекратился, лицо успокоилось, веки прикрыли глазные яблоки (...). Тогда я громко произнес: «Лангий!». Веки медленно приподнялись, как у живого человека, которого разбудили. Лангий уставился на меня, взгляд был не тусклый и не мутный, а очень живой, четко сфокусированный. Через несколько секунд веки снова медленно и плавно опустились. Я позвал снова. И веки открылись – медленно, плавно, оба глаза, несомненно, жили и смотрели куда осмысленнее, чем в первый раз. Потом они закрылись (...). Я сделал третью попытку. Никакой реакции не последовало. Все это заняло 25-30 секунд».

Коллективизм и естественнонаучный интерес – в этом вся Франция. «Не понимаю, зачем им это нужно?» – весело пожала плечами интеллигентная старушка, когда меня вытолкали в ряды протестующих «жилетов», но я-таки просочилась обратно на тротуар за цепь ограждения. «Новое парижское развлечение», – говорю. Я, может, снимать на камеру историческое событие собралась, а бабушка что делала в стремном районе, а?

Полицейские машины ездят вереницей, как в фильме «Такси» и сигналият, такой специфический немного игрушечный сигнал; местный ОМОН оцепил набережную и патрули дежурят вплоть до Монмартра, парижане, как всегда, гуляют, сидят в кафе, болтают со знакомыми и глазят на незнакомых. Как всегда, в городе нескучно. Говорят, одному

из демонстрантов самодельным взрывным устройством оторвало кисть руки. По местным меркам так, мелкие шалости.

Прощаемся вечером с Нувель, завтра еду в Мадрид на скоростном поезде. Мы еще не знаем, что скоро закроются границы, наступит мор и нельзя будет не только куда-то выехать из страны, но и выйти далеко из дома. Полки в супермаркетах опустеют, по улицам повезут гробы, и наше бурчание по поводу местного разгильдяйства будет напоминать итрихи к сусальной мецанской картинке. Начнется карантинная диктатура и военный порядок.

– Вот в чем разница между бессовестными и «совестными»? Первые не прощают выдуманных грехов никому другому. Последние только самим себе.

– Выдуманные грехи. Странное выражение.

– Кому как тебе не знать? Ты же у нас самая непорочная проповедница порока.

– Они украли мою жизнь.

– А какую реальность тебе хотелось прожить? Твои мужчины сделали для тебя то, чего не сделали бы ради никакой другой женщины.

– Сделали из меня животное, и долго делили мою шкуру.

– Да только так с нами и надо. Иначе на Земле окончательно победит террор матриархата.

– Ты против?

– Конечно! Я люблю нормальных мужчин. Хотя мерзавцы они, конечно.

– Знаю, проходили с моими философами. Все, кто любит, терзают. Все, кто может, гуляют. Все, кто влюбляются, страдают.

– Это закон жизни.

– Как тяжело жить.

– Ладно, прекрасное животное. На вокзал не поеду. Звони. Пиши. Чао!

Мадрид, арена дель торрес.

Я ищу вход и, что естественно с моим зрением, иду именно в тот сектор позади арены, где проход запрещен. Там бычки. Они закрыты в стойлах, я их не вижу, они не видят меня, но я чувствую, как они насторожились. Несет не только хлебом. Чем-то еще. Первобытным.

Это не компьютерная симуляция, которую можно посмотреть в музее арены. Нажимаешь кнопку – и по стенам весело побежали бычки. Вот бычки мирно пасутся, вот красивые виды, и ты в безопасности в середине стада. Опасная иллюзия. Многие уже целый мир воспринимают как безопасную симуляцию.

Посмотрела несколько съемок боев самых выдающихся тореро. Отредактированы. Показывать, как дразнят и шпыняют быка можно, увертки тореро можно, победителя с отрезанным ухом быка можно, решающий момент убийства нельзя.

В музее выставлены и костюмы лучших тореро, и головы лучших быков. Тореро тоже иногда гибнут. Быков в исклю-

чительных случаях милуют, чтобы выпустить на следующий бой. Но обычный расклад в пользу человека.

Я против запрета корриды. Вместе с корридой исчезнет и все племя бойцовских быков. Останутся только животные с грустными глазами, которые покорно идут на помост бойни. Когда они идут, знают, что это конец. Бойцовские быки тоже знают, что ничего хорошего их на арене не ждет. Они идут не выигрывать битву. Они в нашем мире как последние самураи, чья империя рухнула. Испанцы хотят, чтобы бык бился до конца, потому что каждый испанец в душе и бык, и тореро.

Если вы едите говядину, должны представлять, откуда она берется. Я ем. С друзьями мы ездили на машине в горы, меня накормили бычьими хвостами. Фирменное блюдо ресторана. Изначально традиционная еда пастухов. Когда быка забивали, его съедали целиком. Это почти религия.

Не надо делать из испанцев вегетарианцев.

Меня как будто изматывает необходимость дописать эту историю. Как будто быть не собой. Как будто проще себя прожить в другом и нравиться себе в другом. Ну не бред?

– По-настоящему ты меня полюбишь, когда меня не будет. Все женщины такие. Даже Джульетта из драмы шекспировой.

– Джульетта тоже умерла.

– На самом деле все живут дальше.

В девочках рано проявляется женщина. В мальчиках мужчина. Насколько по-другому девочка делает простые вещи: берется за ручку двери, держит сумочку, завязывает платок, прикладывает палец к губам «Секрет, только никому не рассказывай». Мальчик ничего еще не понимает, но уже скачет вокруг на лошадке, дерется с кустами палкой, отнимает у девочки воздушный шарик «А вот сейчас его лопну, и ты ничего не сделаешь».

Герои растут, сюжет повторяется.

В детстве мы с Натали лазили по крышам сараев. Нашли прошлогоднее осиное гнездо, большой бумажный шар с сотами. Когда мы оторвали эти дурацкие соты, на крышу залезли незнакомые мальчики. Не из наших дворов, чуть постарше.

– Эй, малые! Что забыли на нашей крыше?

– Это не ваша крыша.

– Может, это мой сарай! И гнездо мое.

– Угу, и все дохлые осы.

– Малая, не вникла, что сказал? Гнездо отдай.

– Не отдам.

Мы сидим наверху, метрах в трех над землей, залезли на каком-то узкий карниз.

– А если я тебя ножичком?

Показывает перочинный ножик.

– Нашел чем пугать. Вниз не упади.

– Ну ты такая, не рева-корова.

– Сам корова.

– Давай руку, помогу спуститься.

– Я сама.

– Давай хоть ваш осиный шар поддержи.

– Хитренький какой. Заберешь.

– Да зачем он мне?

Незачем. Он неловко помогает мне слезть. Простой мальчик, из рабочей семьи. Я живу в сталинке и у нас есть машина. Я отличница в английской школе. Натали отдала в музыкальную и она уже ненавидит пианино всей душой. Мальчики, видимо, из 33-й, с плохой репутацией. Кого выгоняли из наших, как бесперспективных, отправляли в 33-ю. Но руки у нас поцарапаны одинаково, и мы лазим по одним крышам.

Пройдет много лет. Во взрослом мире кожа женщин будет похожа на шелк, а мужчин – на бархат, волосы женщин будут пахнуть шерстью, мужчин – деревом и зерном, любовь женщин будет пахнуть бергамотом, мужчин – мускусом. Мы многое будем делать по-разному. За исключением невозможного.

Разные люди будут появляться в нашей жизни. Кто-то мимолетно коснется, кто-то толкнет, с кем-то вспыхнет и взвоет искра, кто-то подарит тепло. Со многими вам будет интересно будет говорить. С немногими будет хорошо вместе молчать. Сюжет невозможного будет повторяться.

Передо мной рассказ. Определенно подходит в канву этой истории. Привожу целиком. Ставлю кавычки, потому что рассказчик другой:

«Сегодня был первый по-настоящему весенний день. Пригрело солнце, на набережную вылезли отяжелевшие за зиму бледнолицые обыватели, щурясь и расплываясь в улыбках. Как-то за городом я наблюдал, как на солнце грелась мышь. У нее было такое же беспечное выражение лица. Она сидела под деревом, закрыв глаза и подняв мордочку вверх. Мышь наслаждалась лаской солнечного луча и ничего не замечала. Окажись рядом кошка, идиллии пришел бы конец. Но мыши в этот раз повезло.

Я шел по набережной, распахнув пальто, мимо проносились велосипедисты и роллеры. Все скамейки были заняты. Среди мусора, намытого ручейком талой воды, я увидел синюю зажигалку. В какой-то момент, когда я проходил мимо, луч отразился под нужным углом и она ярко блеснула.

Не знаю, почему меня это взволновало. Всего лишь одно-разовая зажигалка, в которой закончился бензин. Я прошел до моста, перешел на другой берег. Мне стало грустно и тревожно. Вся радость весеннего дня вдруг улетучилась. Дело было в синем куске пластмассы, но никакого воспоминания, никакого рационального объяснения этой перемены я найти не мог.

Крикливые чайки кружили над прибрежной полосой, выпрашивая подачки. Мужчина с мальчиком запускали воз-

душного змея, похожего на фантастическую разноцветную птицу. С этой стороны было ветрено. Чайки зависали в потоках воздуха, соревнуясь друг с другом, похоже, им нравилась эта игра.

Сквозь прошлогодний сухостой пробивалась молодая трава, местами анемично светились желтые, белые и сиреневые первоцветы. Я всегда любил приход весны и все ее первые приметы. Еще не распустились листья, еще холодные ночи, но в природе уже разлита нежность, и в крови неистово бурлит предчувствие новой жизни. Можно долго и просто так, бесцельно идти навстречу солнцу. Сквозь городскую грязь, суету, вонь, гудки автомобилей, минуя светофоры и перекрестки.

Весна везде прекрасна. Даже наши безобразные засранные города преобразаются в подобию сувенирных открыток. Даже бездомные с тележками и потертые мужики, допившиеся до состояния амёб, кажутся наемными актерами на залитой светом сцене, и обтянутый леггинсами зад толстухи мысленно перестаешь называть пердильником. Даже некрасивые дебютантки офисного планктона порхают волнующе, и младенцы орут не так истошно, как в другое время года.

И тут я увидел легкомысленную стерву. Высокую, тонкую, сродни той негритянке, встреченной в Латинском квартале. Покачиваясь на каблуках и виляя задом, она сама была как лейтмотив этих джазовых задворков. Как прекрасная чувствительная черная струна. Я просто шел за ней, совер-

шенно позабыв о навязанной мне спутнице, которой взялся показать город. Негритянка скрылась за дверью, и только тогда я услышал, что говорит моя спутница. Ну и черт с ней.

Стерва шла мне навстречу. Я внутренне подобрался по мере того, как расстояние между нами сокращалось, и заранее приготовился огрызнуться на ее презрительный взгляд. Что я ей, как не зажигалка из кучи мусора? Мы поравнялись, наши глаза встретились, она чуть заметно улыбнулась. Мы оба чуть замедлили шаг... и ни один не остановился. Я не пошел за ней. Я уверен, что она не оглянулась.

Я шел по набережной. Кричали чайки. Горечь и легкость, пьянящий запах первоцветов, блики на воде, приглушенный звук трафика. Все смешалось. Весна и стерва. Холодный порыв ветра. Так всегда бывает.

Так бывает невыносимой весной, чтобы продолжать жить».

Хожу в состоянии рассеянной влюбленности, хотя знаю, что ничего ужасе не возможно. Но я закрываю глаза, и все сладко замирает внутри. Я засыпаю с распухшими от поцелуев губами. Это невозможно. Это есть.

«Чтобы обеспечить письму будущее, нужно опровергнуть миф о нем – рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» (Ролан Барт).

Автора. Литературы. Реальности.

А кто разберет, где схитрил автор. А кто знает, кому нужна последняя гипотеза Пуанкаре: две неподвижные

точки, между которыми вращается пространство, плазма, линза.

– Начнешь про секс – получится про любовь, начнешь про любовь – выйдет про секс. Чем лучше напишешь, тем больше возмутятся. Одни сортирные граффити без критериев. В нашей мафии марателей канон с линейкой и ножницами... везде (ты правильно слышишь).

Непристойна и возмутительна только правда о людях. Одной только правды нам не простят. Мы живем в стране лгунов. В стране лгунов говорят одно, думают другое, мотивация третья. Она огромная, эта страна, раскинулась на все континенты, омывается всеми морями.

И тебя всегда в этой стране будут судить.

«Да все бы у нас получилось даже с этой Джульеттой, если бы в историю не влез этот старый хер». Нет, не получилось бы. Не судьба.

Все еще Мадрид. Смена караула у королевского дворца. Я оказываюсь здесь случайно, собирается народ, и вот я уже в первом ряду у ограждения. За спиной собор Альмудены. Это долгая церемония, отчасти историческая реконструкция. Сначала в небе пролетает несколько звеньев авиации, затем гарцуют конники, першероны везут пушки, маршируют разные подразделения. В рядах почетной гвардии немало женщин. Один из всадников останавливается меньше чем в полуметре от ограждения, изящная андалузская лошадь бьет копытом и хочет с нами пообщаться, и мы, разномастые ино-

странцы, ахаем, гладим тянущуюся к нам морду и треплем гнедую холку.

Другим зрителям везет меньше – метрах в десяти от нас по периметру лошади навалили яблок. Люди морщатся, отворачиваются, а сдвинуться в толпе со своего места некуда. Конных выездов несколько, в какой-то момент все звенья собираются на площади, и тут, как по команде, кони начинают прудить и валить кучи. Народ хихикает, кто-то одобрительно свистит. Конники разъезжаются по сторонам и на площадь выходят пехотинцы. В красивых формах с аксельбантами, несут знамена и стандарты, четко шагают, держат строй, и строй идет по навозу. Зрители – из тех, кому хорошо видна вся рекогносцировка – хохочут. Я вместе со всеми. Строй проходит, выбегают уборщики, прибирают навоз. Шоу продолжается.

Бухнула пушка, оглушенные кони закачались, как пьяные. Страшно. Всадники вовремя отвели их подальше, иначе могли бы снести ограждение и подавить зрителей.

Обращаем свои взоры от низменного к высокому, и всей толпой после шоу идем в собор Альмудены приложиться к изображению святых. Испанцы, туристы, верующие, неверующие. Из меня католичка, как из гадюки альпинист, но тоже поднимаюсь по лесенке. Крещусь. Прикладываю руку к деве. Делаю несколько снимков памятника папе Иоанну Павлу II, который установлен перед собором.

Savage. Мы с голландкой Элизабет, когда стояли в очереди

в Прадо, вспомнили это слово, как самое подходящее определение для этой страны. Всех северных европейцев сначала шокирует Испания. Страна, где европейское густо приправлено арабским и еврейским колоритом. Проехав горы, каталонских сепаров, валенсийские апельсиновые сады, кастильскую скудную землю, съев быка, сам становишься диким.

Вся Европа когда-то была savage.

Потом нас приручили и посадили в клетки.

Когда в Европе во время пандемии закрыли зоопарки, служители заметили, что животные стали себя иначе вести. Им стало скучно без посетителей. Без двуногих бандерлогов, которые приходят на них поглазеть. Нам тоже.

У меня в руках помидоры, зелень, конфеты, бутылка вина. Неудобно нести, вываливается. Мы на даче, вечерний пикник и костер. Дима, муж Натали, уже включил ретро-кассету: все, у нас сегодня четко 80-е. Максимум 90-е. Кто тогда не жил, пусть подавятся Моргништерном.

– Слышу, у вас Крис Айзек, значит пора к костру.

– Да, уже страдает бедный еврей. Какой клип красивый был, а? Море, девушка, налипший на девушку песок.

– Этот клип посмотрел весь советский зритель. Эротика! Дикий Запад! А у подъезда бабки семечками плевались. Сейчас не поймешь, кто и что смотрит.

– Порнуху. Бабки перешли на жесткую порнуху – им нужен повод лясы поточить.

– И запад уже не тот. В Америке раздрай, в Европе клон

СССР с брюссельскими маразматиками.

– Гуд бай, Америка, ооо, где я не был никогда... Помнишь «Наутилус»? Культовая группа. Но вся страна знала.

– Чего только не было! Даже «А мы его по морде чайником»!

– У бегемота нету талии, у бегемота нету талии, у бегемота нету талии, он не умеет танцевать. А мы его по морде чайником, а мы его по морде чайником, а мы его по морде чайником, и научим танцевать!

– Уважаемые пионэры, не пора ли разлить?

– Под короткий тост политеха, которому ты научила греков?

– «Ебанем» обычно пьют к концу вечеринки, когда уже длинную речь произносить трудно, а мы только начали.

– Натусик, наш – или наша? – классик так все опишет, что даже я не буду знать, куда деться от позора. Но ты можешь подтвердить, что я честно выполнял свой супружеский долг.

– Поговори, поговори, сделаю соавтором.

– Нобелевскую премию нам не дадут. Жаль, деньги нужны всегда...

Знаете, а я буду скучать по Испании. По тому лету открытых границ, страстей и ссор. Я, вечный варвар из другого племени, покоривший пространства Старого Света.

Не читайте мне мораль. Не обвиняйте меня в легкомыслии: я всегда кого-нибудь любила.

По морю лодочка плыла,
Крутилася юла,
Но если бы не зла была,
Но если бы не зла.
Какое счастье морем плыть,
Какое счастье плыть.
Но если б лодка не утла,
Тогда все может быть.
Блажен, кто тонет по любви,
Блажен блажной моряк.
Тут сколько ветер не лови,
Не ветер, а хуяк.
Но если бы судьба не зла,
И не был я дебил...
По небу лодочка плыла,
И я к тебе доплыл.

Я сижу в сквере на набережной, ты в своем испанском карантинном подсраче, но ты, буся, меня поймешь. Поймешь, потому что у тебя такие же блудливые и похожие одновременно на миндаль и янтарь глаза.

Мой друг умирает. Я чувствую это на расстоянии. Я не могу заставить себя набрать его номер. Он хочет уйти невидимкой, как когда-то рвался, из последних сил полз к дверям мой умирающий кот. Последний стыд, который у нас, всех живых существ, остается, это стыд смерти.

«Моя кошечка любит, когда ее хвалят. Самая красивая, самая умная. Все понимает. На самом деле она суетливая, жопастая, чуть что – кусается и визжит, сожрет все и еще просит, не потому что голодная – чтобы срыгнуть на хозяйский ковер. Терплю. Все терплю. Любовь зла».

Сегодня заметила, что она из моих пальм высохла. А я по инерции продолжаю ее поливать.

Ресницы накрасишь – к слезам. Я не могу себе позволить реветь прямо здесь, на набережной у гостиницы «Пекин», на всеобщем обозрении. Прекрасная ранняя весна, и я улыбаюсь. В это время года самые красивые отражения в воде. Река неспешно течет, кричат чайки. Осенью они улетали, думала, не вернуться. Они вернулись. Плещутся в воде.

Я становлюсь суеверной. Столы вертеть и допытывать призраков – мистика дурного толка. Мы заново открыли мистику слов. Способ десакрализации тайного ради сакрализации – чего? Хотелось бы, жизни. Но никто не знает жизнь. Ради вечного. Мимолетного. Смешного. Страшного. Красоты. Танца Саломеи.

Наши слова размывали границу между вымыслом и реальностью. Наши грубые и нежные, глупые и умные слова. Мы могли быть кем угодно, и даже быть друг другу никем. У нас было все. Нам некуда дальше раздеться. Это не любовь, буся. Любовь у вас с Хуаном.

А у нас было страшное литературное святотатство, одновременно порнографическое и целомудренное, для которого

еще не придумали названия.